

операция "цитадель"

Богдан Сушинский

секретный фарватер

Секретный фарватер (Вече)

Богдан Сушинский
Операция «Цитадель»

«ВЕЧЕ»

2015

Сушинский Б. И.

Операция «Цитадель» / Б. И. Сушинский — «ВЕЧЕ»,
2015 — (Секретный фарватер (Вече))

1944 год. Союзные войска антигитлеровской коалиции освободили Францию, Голландию, Бельгию, Норвегию. Югославская народная армия почти полностью выбила фашистские оккупационные войска со своей территории. Советские армии вступили на территорию Польши, Румынии, Чехословакии. Третий рейх трещит по всем швам, а его бесноватый вождь продолжает цепляться за призрачные надежды на скорую победу, сменяя марионеточные режимы на еще подвластных территориях и веря в «копье судьбы», приносящее удачу своему владельцу. В основу нового романа лауреата литературной премии имени А. Фадеева писателя Богдана Сушинского положены малоизвестные исторические факты об операции по свержению в Венгрии режима контр-адмирала Миклоша Хорти, а также о подлинной истории создания Русской освободительной армии генерала Власова.

© Сушинский Б. И., 2015

© ВЕЧЕ, 2015

Содержание

Часть первая	6
1	6
2	10
3	14
4	18
5	21
6	26
7	31
8	36
9	40
10	43
11	45
12	47
13	50
14	52
15	57
16	62
17	65
18	68
19	73
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Богдан Сушинский

Операция «Цитадель»

© Сушинский Б.И., 2015

© ООО «Издательство «Вече», 2015

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2015

Часть первая

Когда фюрер говорит, то это действует, как богослужение.
Геббельс

1

К рейхсфюреру СС Гиммлеру обер-диверсант рейха Скорцени явился с твердой уверенностью, что речь пойдет о чистке военно-государственного аппарата от «затаившихся заговорщиков»; а значит, о новой волне арестов, под которой должны были кануть в небытие все те, кто хоть как-то причастен к заговору против фюрера.

Вот почему в черной кожаной папке, которую штурмбаннфюрер прихватил с собой, были не только списки тех, кто уже казнен, еще только ждет казни, как величайшего спасения, или уже сумел покончить с собой; но и тех, кого хоть сегодня можно было отдавать под суд: за участие или соучастие; за то, что знали, но не пресекли; что не знали, хотя должны были знать; не догадывались, но, конечно же, обязаны были догадываться!

Многие из этих людей до сих пор находились на фронтах. Они все еще надеялись, что барак тюрьмы Плетцензее с балкой и восемью мясными крючьями, на которых с особой, оскорбительной, жестокостью были казнены многие камикадзе-«валькирийцы»¹, существует не для них. Они все еще были рассеяны военными судьбами на всем пространстве от Италии до Курляндии и молили Господа, чтобы чаша сия их миновала.

Причем самое удивительное, что они все еще радовались этой возможности – молить Господа. И в этом заключалась их непростительная ошибка, поскольку молить следовало не Господа, а фюрера, потому что Скорцени прекрасно знал: кого не простил фюрер, того не простит ни один из сотворенных себе землянами богов.

Впрочем, знал он и то, что в данной ситуации и Бога, и фюрера молить одинаково бессмысленно.

А еще, исключительно по своей наивности, эти обреченные действительно вымаливали спасение у Господа, исповедуясь на Библии, вместо того чтобы вымаливать его у штурмбаннфюрера Скорцени, исповедуясь на его черной папке, украшенной тисненными золотом свастикой и орлом. Ибо только в этой папке находилось все то, что нужно было им для мольбы и покаяния.

Лишь пройдя через чистилище содержащихся в ней доносов, сведений и агентурных донесений, человек мог рассчитывать на отпущение грехов – что случалось крайне редко и абсолютно никем не поощрялось; или на суровый, но божественно справедливый в своей неотвратимости суд, – что всеми теперь в высшем руководстве рейха приветствовалось и всячески оправдывалось.

Мог ли кто-либо предполагать, что все то, что он держал сейчас в руке, давно перестало именоваться заурядной служебной папкой, поскольку на самом деле это уже было «Евангелием от Скорцени»?!

«Вот именно: „Евангелие от Скорцени!“ – мрачно улыбнулся собственным мыслям начальник отдела диверсий Главного управления имперской безопасности, гулко вышагивая по коридору, в конце которого находилась приемная рейхсфюрера. – „Евангелие“, в котором

¹ «Валькирийцами» в то время в Берлине называли многочисленных участников заговора против Гитлера, завершившегося покушением на него 20 июля 1944 года. Обуславливалось это название тем, что, по воле его участников, заговор носил кодовое наименование «Валькирия».

нет ни одной проповеди, зато все оно состоит из суровых притч, сотворяемых самой историей Третьего рейха. Притч, составляющих биографии и судьбы многих его героев и апостолов, притч самой этой великой священной войны».

Понятно, что каждый, кому суждено будет ознакомиться с ними лет через двадцать, неминуемо содрогнется. По делу о заговоре «Валькирия» уже сейчас арестовано более семи тысяч человек. Причем около пяти тысяч из них к сегодняшнему дню повешены, расстреляны или гильотированы.

Конечно же, это выглядело всего лишь детскими шалостями в сравнении с тем, с какой жестокостью и беспощадностью кремлевские коммунисты расправились незадолго до войны с более чем двадцатью тысячами своих маршалов, генералов и офицеров и сотнями тысяч гражданских «врагов народа». Вот почему, ознакомившись с содержимым этого досье службы безопасности СС², руководитель гестапо Генрих Мюллер лишь саркастически ухмыльнулся:

«И это, друзья мои неподсудные, вы называете чисткой военно-государственного аппарата?!»

«Насколько мне известно, – попытался объяснить „скудность“ своего досье Отто Скорцени, – рейхсфюрер СС Гиммлер настроен как можно скорее свернуть эту операцию».

«Покушались-то, друзья мои неподсудные, не на Гиммлера. Отсюда и благодушие. Теперь я понимаю, почему фюрер так сокрушался, что в свое время не подверг офицерский корпус рейха такой же решительной чистке, какой подверг свое офицерство Сталин!»

«Гиммлер уверен, что многие из тех, кто не принимал непосредственного участия в заговоре, будут и далее честно служить рейху и фюреру. Таким образом, он пытается спасти многих опытейших командиров, которые нужны сейчас армии, фронту, а значит, и Германии. И потом, он не верит, чтобы у фюрера, у Третьего рейха, у национал-социализма было столько врагов. Так что пусть лучше они гибнут на фронте».

«Право погибнуть на фронте во имя фюрера, друзья мои неподсудные, нужно еще заслужить. Так что мой вам дружеский совет, Скорцени, начинайте все с чистого листа, словно подавление путча всего лишь разворачивается»³.

А ведь какой корневой срез генералитета и высшего офицерства, который еще несколько месяцев назад считался надежнейшей опорой рейха, размышлял в эти минуты Скорцени, пришлось смести очистительным смерчем «Валькирии»! Какие имена стереть со скрижалей империи!

Взять хотя бы отца или, по крайней мере, одного из крестных отцов, имперского вермахта – фельдмаршала Витцлебена. Кто бы мог предположить, что фюрер осмелится казнить такого теоретика войны, неподсудного мессию возрождаемой германской армии!

А генерал-полковник Бек, которого заговорщики прочили в президенты Германии, и штабистского таланта которого так не хватает на любом из фронтов! А командующий парижским гарнизоном генерал Штюльпнагель; или упорный сторонник создания танковых армий, а посему вечный соперник Гудериана генерал-полковник Геппнер! А командующий армией резерва, «могущественнейший из тыловикиов», как еще недавно называли его в штабе вермахта, генерал-полковник Фромм...

Но ведь Фроммом перечень имен не завершается. Разве что лет через сто германская нация узнает – если только вообще когда-либо узнает, – как «во имя рейха и святости рыцарского имени» принуждали покончить с собой и «лиса Африки» фельдмаршала Роммеля, и талантливейшего полководца фельдмаршала Клюге.

² СД, в системе которой Отто Скорцени возглавлял отдел диверсий, первоначально являлась службой безопасности СС. То есть задумана она была как внутренняя служба безопасности охранных отрядов партии (СС), однако с повышением численности и военно-государственной роли формирований СС расширялись и полномочия СД.

³ Реальный факт, фюрер действительно заявил: «Я уже часто горько жалею, что не подверг мой офицерский корпус чистке, как это сделал Сталин!» Известно также, что Сталин являлся одним из кумиров Гитлера.

А еще когда-нибудь нация узнает (или же так никогда и не узнает!), что генерал фон Тресков, который к моменту заговора возглавлял штаб армейской группы «Центр», вовсе не погиб во время инспектирования частей, а просто выехал на передовую, стоя в окопе, налег грудью на бруствер и взорвал у своей головы гранату. И что гибель его, как и гибель многих других полководцев рейха, привела в явный восторг всех кремлевских «ценителей» его воинского таланта.

А как не вспомнить о непростительно расщедрившемся на пулю для собственного лба, легендарно скупом и «прижимистом» генерале-квартирмейстере Верховного командования Вагнере?..

И вообще, знал бы фюрер, с какой радостью в Кремле вычеркивают из списка своих врагов все новых и новых фельдмаршалов и генералов вермахта! Впрочем, с той же, с какой еще совсем недавно в генштабах Германии и других стран вычеркивали расстрелянных коммунистами красноармейских полководцев: Тухачевского, Якира, Блюхера...

Нет-нет, штурмбаннфюрер Отто Скорцени не сомневался в виновности всех этих людей. Тем не менее наступали минуты, когда даже его солдатское сердце покаянно вздрагивало. Слишком уж значительными были имена, слишком длинным и опустошающим выглядел их перечень, на фоне которого, кстати, становилось до обидного очевидным, насколько легкой, почти пустяшной, смертью сумел отделаться главный преступник, несостоявшийся фюрероубийца полковник Клаус граф Шенк фон Штауффенберг! Вот уж кого он, Скорцени, вздернул бы с величайшим удовольствием, лично водрузив при этом на один из мясных крюков Плетцензее. Прямо за ребро.

Однако это уже страсти. Если же рассуждать трезво, то по-настоящему Скорцени не скорбел ни по кому из них и в конечном итоге никого не собирался жалеть. Уже хотя бы потому, что всегда помнил о древнем тевтонском заклинании: «Никогда не щади врага, никогда не скорби о героически погибшем воине, и никогда не пытайся спасти обреченного!» Только так: никогда не щади врага!

Другое дело, что штурмбаннфюреру Скорцени по-человечески понятно было первое, произвольное смятение Гитлера, когда ему представили целые тома списков высокопоставленных военных и гражданских, которые уже схвачены гестапо и СД или занесены в реестр покончивших с собой. И еще более внушительную «перепись» военных, министров, дипломатов и полицейских служащих, которых, по глубокому убеждению чинов Главного управления имперской безопасности, еще только следовало арестовать.

Фюрер не мог не понять, что взлелеянный им рейх превращается в поглощающего самого себя удава, поскольку тень подозрения в той или иной степени очерняла чуть ли не весь цвет нации. Но если всех этих людей действительно арестовать и казнить, — мир вынужден будет задаться теми же вопросами, которыми, вчитываясь в строки этих списков, уже не раз задавался сам Адольф Гитлер: «На кого же в таком случае опирается рейхсканцелярия?! На ком держится рейх, с его идеей мирового господства? И может ли этот монстр, этот рассадник измены и предательства претендовать на такое господство? Имеет ли он на это моральное право?!»

И ни для кого в Главном управлении имперской безопасности не было секретом, что в отдельные дни Гитлер часами просиживал над этими списками, то ли перечитывая их, то ли просто пребывая в молчаливом бездумии, словно чернокнижник, загадавший свою судьбу по сатанинской метке и теперь покорно ожидавший вешего знака.

Как бы там ни было, а с начала августа, как только первая волна арестов и казней немного поулеглась, Скорцени вдруг действительно почувствовал, что Гитлер, Гиммлер и их ближайшее окружение начинают сдерживать его; что все большее неудовольствие рейхсминистров, верхушки СС и самого фюрера вызывают невесть откуда появляющиеся новые и новые леги-

оны «предателей рейха». Дело шло к тому, что Гитлер мог остаться единственным человеком, который не опасался бы, что в следующем поминальнике врагов рейха окажется он сам.

Впрочем, в последнее время Скорцени уже не был уверен в том, что фюрер действительно не опасается этого. Гитлер не мог не видеть, что запущенный им бумеранг святого отмщения давно породил смерч всеобщей подозрительности и мести, никем уже по существу не управляемый, всеуничтожающий и в то же время порождающий все новых и новых врагов.

В такие дни вождь национал-социализма находился в том же состоянии шокового апокалипсического прозрения, в котором еще недавно, в июне сорок первого, пребывал его недавний кремлевский кумир, внезапно открывший для себя, что раскрученное им чертовое колесо «борьбы с врагами» раздавило половину генералитета и почти половину офицерского корпуса Красной армии. При этом Скорцени никогда не забывал, что восхождение свое фюрер начинал с унижительного подражания Сталину-Кобе, усматривая в его концлагерном советском социализме очертания столь же концлагерного германского национал-социализма.

Но, даже осознавая всю сложность ситуации, в которой оказались и фюрер, и генералитет, «первый диверсант рейха» не позволял себе какой-либо жалости, или хотя бы снисходительности, по отношению к врагам рейха. И не потому, что многие из них действительно стремились избавиться от фюрера как такового. А потому, что с гибелью Гитлера неминуемо погибла бы сама идея германского национал-социализма, идея мирового рейха, а, следовательно, идея создания Франконии, «страны воинов СС», основать которую фюрер давно и клятвенно обещал.

И что произойдет тогда с ним, Скорцени, с его людьми, с воинами рыцарского ордена СС, поверившими, поклявшимися, положившими на алтарь идеи свою молодость?!

Нет, враги рейха все еще существовали. Их было много, очень много. И это они стремились убить идею мирового господства арийской расы, идею тысячелетнего рейха, затоптать сапогами суть национал-социализма, извести эсэсовское братство. Ради чего? Да хотя бы ради того, чтобы снова свергнуть Германию в полусонное-полуживотное бюргерское существование, при котором высшие свойства арийца-эсэсовца: мужество, преданность рейху, ненависть к унтерменшам оказались бы погребальной плащаницей для мужественнейших, достойнейших рыцарей черного легиона!

Но только он, Скорцени, не позволит им этого. Не позволит! Крючьев тюрьмы Плетцензее хватит на всех!

2

– Хайль Гитлер! – сдержанно приветствовал Скорцени бригаденфюрера Кранке, выполнявшего теперь обязанности адъютанта и личного секретаря Гиммлера. – Доложите рейхсфюреру, что я прибыл по его приказанию.

– Рейхсфюрер знает и просил подождать, – опустил Кранке глаза на кипу каких-то бумаг.

– Как долго это может длиться?

– В приемной господина рейхсфюрера СС это всегда длится долго, – невозмутимо просветил его адъютант.

В СД ни для кого не оставалось тайной, как Кранке, этот несостоявшийся диверсант, получивший генеральский чин, несмотря на несколько бездарно проваленных операций, по черному завидовал Скорцени. Но как же болезненно, в какой тоске и безнадежности это про-являлось!

Правда, к чести бригаденфюрера, до сих пор зависть эта не сопровождалась жаждой мести. Он как бы не замечал Скорцени, в упор не замечая при этом и его достоинств, его подвигов. Может быть, только потому, что завистников оказалось слишком много, он, первый диверсант рейха, все еще ходит в майорах СС. Но что поделаешь, смиряться с придворными завистниками – всегда было уделом героев нации.

– Ждать действительно придется долго, – едва заметно улыбнулся генерал СС улыбкой слуги, которому приказано вежливо унизить гостя томительным ожиданием в прихожей. А то и вовсе выставить за дверь.

– И с чем это связано? – сухо вато поинтересовался Скорцени.

– Видите ли, у рейхсфюрера сейчас находится генерал Власов.

– Простите?... – поморщился обер-диверсант рейха, которого даже фюрер теперь не решался надолго задерживать в своей приемной.

– Я сказал, что рейхсфюрер принимает русского генерал-лейтенанта Власова, – высокомерно объяснил непонятливому диверсанту адъютант Гиммлера. – Бывшего командующего какой-то из разгромленных нами советских армий.

Скорцени ошалело промычал что-то нечленораздельное и удивленно повертел головой, словно пытался вернуть себе утраченную ясность сознания.

– Да-да, – вежливо добивал его бригаденфюрер, – того самого красного генерала, предавшего свою армию и вместе с поварихой сбежавшего к врагу. Какая мразь!

– Очень точное определение.

– Лично я не стал бы принимать его, Скорцени, – теперь уже доверительно сообщил адъютант, почувствовав в нем единомышленника. – Понимаю, рейхсфюрер вынужден исходить из высших интересов империи, тем не менее лично я принимать бы его не стал.

– Почему бы вам так прямо и не заявить об этом рейхсфюреру, господин адъютант? – осадил его начальник диверсионного отдела Главного управления имперской службы безопасности.

– Очевидно, вы не так поняли меня, – растерянно уставился на него Кранке. – Это я к тому, что понимаю всю обязательность решения своего шефа.

Скорцени спокойно выдержал вопросительный взгляд генерала, снисходительно ответил на него многозначительной паузой и лишь затем примирительно произнес:

– Значит, рейхсфюрер все же вызвал к себе этого русского генерала Власова? Любопытно-любопытно. Думаю, что вскоре для моих парней появится много интересной работы.

– В России диверсантам работы всегда хватало, уж мы-то с вами, Скорцени, понимаем это, как никто другой, – некстати намекнул на свое причастие к диверсионному братству несостоявшийся обер-диверсант рейха. И сразу же благодушно добавил: – Если учесть, что этот

русский только что вошел, томиться вам выпадет еще минут двадцать. Поэтому советую присесть.

Однако Скорцени не спешил воспользоваться его приглашением. Тем более что сообщение Кранке сразу же породило массу вопросов, которые высшему по чину благоразумнее было задавать стоя.

– Я понимаю, господин бригаденфюрер, что это не столь важно. Но все же. Вы не в курсе, Власов сам попросился на прием? Или, как я уже предположил, был вызван?

– Это действительно не имеет особого значения, – откинулся в кресле адъютант. – Но могу сообщить: рейхсфюрер приказал мне срочно выловить этого красного. – Поморщившись, Кранке насмешливо взглянул на дверь кабинета. – «Разыскать и пригласить» – так было сказано. Поверьте, это оказалось непросто.

– Наверное, потому что искать вы его пытались в лагерях военнопленных?

– В каких еще лагерях, Скорцени?! – по-заговорщицки ухмыльнулся бригаденфюрер. – Этот русский генерал давно забыл, что такое лагерь и похлебка военнопленного.

– Вот видите, как давно я не интересовался этим проходимцем, – нашелся Скорцени.

– Пришлось даже прибегнуть к помощи другого русского генерала, только уже белого – Краснова. Хорошо еще, что мы с ним давно знакомы. Если говорить о русских, штурмбаннфюрер, то я вообще в принципе им не доверяю, – вскинул Кранке свой отвисший, раскачивающийся из стороны в сторону, словно опустевший бурдюк, подбородок. – Каким бы образом они ни очутились в Германии.

– Я и не представляю себе иного отношения к ним.

– Но все же нужно отдать должное этому «беляку»: в отличие от Власова, генерал Петр Краснов сражался против большевиков еще в их, русскую, гражданскую. И сражается сейчас. Словом, с помощью Краснова мне удалось разыскать Власова в загородном доме, принадлежащем теперь племяннику генерала, полковнику Семену Краснову⁴. Тоже в прошлом офицеру белой армии.

– Да вы, оказывается, прекрасно осведомлены в делах русских, господин бригаденфюрер! Подготовка, достойная истинного разведчика.

Кранке что-то ответил, однако Скорцени просто-напросто не расслышал его слов. Извинившись, он опустил в кресло в конце приемной и тотчас же углубился в размышления. А подумать было над чем. Вызов генерал-лейтенанта Власова пришелся на то же время, на которое был приглашен он. Случайность? Даже если случайность, то в умовыводах офицера службы безопасности ее следовало исключить. Слишком уж непрофессионально это выглядело сводить такое стечение обстоятельств к случайности, не пытаясь извлечь из него никакой версии.

А версия могла быть только одна: русского генерала Гиммлер вызвал в связи с игрой, затеянной недавно некоторыми чинами СС и СД с русским генералом-перебежчиком, чье положение на задворках высшего света рейха, как и его дальнейшая судьба, вызывают сейчас немало споров и всяческих служебных разногласий. И чем сложнее становилось положение на Восточном фронте, тем разительнее и принципиальнее становились эти разногласия.

Скорцени знал, что в беседах с фюрером Гиммлер уже несколько раз мужественно пытался обсуждать вопросы использования русского генерала для формирования по-настоящему боеспособных частей Русской освободительной армии. Но каждый раз взгляды их на роль и положение Власова в рейхе, как и на роль возглавляемого им «нового», в отличие от

⁴ Семен Краснов, белогвардейский офицер. Был назначен германскими властями начальником штаба Главного управления казачьих войск и произведен в генерал-майоры. Награжден тремя германскими орденами. В январе 1947 года Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к смертной казни через повешение и казнен.

«белогвардейского», Русского освободительного движения, расходились. Другое дело, что расхождения эти благоразумно затушевывались. Прежде всего самим Гиммлером.

И все же вопреки упорству Гитлера рейхсфюрер СС склонен был поддерживать идею начальника генерального штаба вермахта генерал-полковника Гальдера. Конечно, отношения с фюрером у начальника Генштаба были крайне осложнены разногласиями по поводу Киевской операции, поскольку в свое время Гальдер решительно выступал против смещения центра военных действий на юг, требуя сконцентрировать наступательную мощь вермахта на московском направлении⁵.

Но даже в этой ситуации генерал-полковник первым попытался убедить вождя рейха, что Власова следует использовать не как пленного, а как союзника, способного сформировать и возглавить русские воинские части.

Поначалу это вызвало неудовольствие не только у фюрера, но и у Геринга, Бормана, не говоря уже о министре по делам восточных территорий Розенберге. Они все взбунтовались тогда против начальника Генштаба, усматривая в его намерениях чуть ли не предательство интересов рейха.

Гальдер, похоже, первым оценил шансы, которые открывались перед немецкой пропагандой в связи с появлением в Германии Власова. Как только бывший командующий 2-й ударной армией русских заявил, что «намерен бороться против коммунистов, за восстановление Русского государства и освобождение всех народов России», Гальдер немедленно позаботился, чтобы генерала перевели в Берлин и, пусть даже с содержанием в лагере, пристроили при верховном командовании вооруженных сил. Мало того, он позволил Власову создать свой собственный штаб, с помощью которого тот мог бы вести пропаганду среди советских пленных, эмигрантов и восточных рабочих.

Гальдер, конечно, отчаянный человек, поскольку лишь самоубийца, после очередной стычки с фюрером, мог решиться заявить: «Я буду противоречить Гитлеру до тех пор, пока он меня не уволит, так как разумными аргументами убедить его уже невозможно!»⁶

Когда эта фраза стала известна в Главном управлении имперской безопасности, кое-кому из его чинов казалось, что над генеральным штабом вот-вот разверзнется небо. Скорцени тогда еще не был сотрудником Главного управления, однако аборигены утверждали, что в его стенах уже даже был заготовлен ордер на арест генерал-полковника. Так что до сих пор никто не может понять, почему фюрер не решился хотя бы на то, чтобы отправить Гальдера в отставку.

Риск, которому подвергался начальник генштаба, был тем более велик, что сам Гиммлер в то время тоже и мысли не допускал о том, чтобы рассматривать Власова в качестве союзника, да еще и доверять ему формирование каких-либо воинских частей. Для рейхсфюрера он по-прежнему оставался ничтожным русским, человеком низшей расы, а посему иначе как «русской свиньей» и «генералом-предателем» Власова он в то время не называл. А когда Гальдер неосмотрительно предложил ему хоть на пару минут встретиться с Власовым, Гиммлер плеснул на него свинцом своих очков и презрительно спросил: «С этой русской свиньей? И вы, генерал, предлагаете это мне?!»

...Но так было раньше. С тех пор ситуация изменилась. В мире, на фронтах, в Берлине... Теперь, когда из союзников, способных хоть в какой-то степени противостоять русским, у Германии осталась только Венгрия, самое время было вспомнить о «русской свинье» и «генерале-предателе». Покаяться в своих преступлениях перед ним и основательно вспомнить.

До покаяния дело, естественно, не дошло. И все же... Если русские умеют драться по ту сторону фронта, то почему бы не испытать их на храбрость и умение по эту? А время для

⁵ Время, а также военные историки и теоретики убедительно доказывают, что генерал Гальдер был прав. Стремление Гитлера во что бы то ни стало подкрепить военно-политический престиж рейха взятием столицы Украины, в ущерб «наступательному порыву» на Москву, стало одной из его роковых ошибок.

⁶ Исторический факт. Здесь цитируются слова генерала Гальдера.

Германии такое, что приходится радоваться каждой новой сотне штыков. Независимо от того, в чьих они руках. Лишь бы направлены были на Восток. Тем более что еще в сорок втором году Гальдер учредил для Власова специальное звание – генерал добровольческих соединений.

Правда, никто до сих пор так и не понял: то ли это действительно был какой-то новый, никем в ставке фюрера не утвержденный, чин; то ли какая-то странная должность. Но... учредил. И Власов извлекал из этого признания все, что мог.

Задумавшись, Скорцени не обратил особого внимания на то, что, вызванный звонком, адъютант Гимmlера исчез за дверью кабинета и, пробыв там несколько мгновений, снова появился.

– Рейхсфюрер СС просит вас зайти, штурмбаннфюрер.

«Значит, все-таки Власов... – неспешно поднялся Скорцени. – Жаль, что, увлекшись воспоминаниями о Гальдере, ты не прокрутил в памяти последние события, связанные с теперь уже милой душе Гимmlера «русской свиньей».

3

Гитлер с трудом дочитал до конца письмо Евы Браун, поморщился и устало отложил его в сторону. Только слова самой искренней нежности, из тех, которыми Ева обычно завершала свои письма, заставили фюрера сдержаться, чтобы не отшвырнуть его.

Нет-нет, Адольф ничуть не сомневался в искренности этих стенаний, но, похоже, что в последнее время Браун стала расточать их с какой-то особой, непростительной навязчивостью. Причем до такой степени навязчиво, что они уже не только раздражали, но порой и бесили фюрера. Ей, видите ли, не сидится в Бергхофе! Она, понимаете ли, рвется сюда, «поближе к своему неустрашимому вождю»!

«Я согласна жить даже в бункере, – изошрялась Ева в любовном словоблудии, – и никогда не бывать вместе с тобой на людях, чтобы не вызывать косых взглядов и кривотолков. Только бы знать, что ты где-то рядом...»⁷

«Даже в бункере!» – иронично ухмыльнулся Гитлер. Не хватало только, чтобы и другие руководители вслед за ним стали превращать его полевую ставку «Вольфшанце» в семейный военно-полевой барак! Нет уж, как Главнокомандующий вооруженными силами рейха, он обязан жить жизнью солдата, жизнью истинного тевтонца.

Понятно, что на самом деле ей хочется не в бункер какого-либо из его временных пристанищ, а в Берлин. Всем, кто более или менее хорошо знал Еву, становилось ясно, что в этой Золушке постепенно просыпается азарт светской львицы и что ей хочется во что бы то ни стало превратиться в первую леди рейха.

Ева и впрямь все еще не теряла надежды вернуть «своего фюрера» в столицу и переволплотить в добропорядочного европейского премьер-министра, коротающего дни на официальных приемах в рейхсканцелярии или где-нибудь в летней резиденции; наносящего зарубежные визиты «вместе с царствующей, но не правящей супругой» и, конечно же, постоянно мельтешащего в великосветской хронике.

«Почему другие так могут, а мы с тобой – нет?! – уже не раз вопрошала Ева. – Разве не ты фюрер германского рейха? Разве хотя бы один премьер какой-либо другой западноевропейской страны добился такой власти и такого почитания?»

Не зря Борман как бы вскользь намекнул Адольфу, что ее призывы вернуться к столичному образу жизни навеяны кем-то из фюрероненавистников. Кому-то хочется, если не погубить вождя рейха под развалинами рейхсканцелярии во время очередного налета вражеской авиации, то, по крайней мере, отстранить от непосредственного руководства войсками.

То есть кому-то хочется таким вот образом осуществить давнишнюю мечту некоторых генералов, наиболее откровенно высказанную командующим группой армий «А» фельдмаршалом фон Клейстом еще в декабре 1943-го: «Мой фюрер, – обратился тогда фон Клейст к фюреру, – сложите с себя полномочия верховного главнокомандующего сухопутными силами! Решительно сложите и занимайтесь внешней и внутренней политикой!»

И ведь не он один пытался отстранить фюрера от его армии. Причем отстранить именно тогда, когда, несмотря на ощутимые фронтовые потери, армия все еще пребывала в зените своего величия. А ведь того же мнения придерживались фельдмаршалы Рундштедт, Витцлебен и, наконец, Роммель. Иное дело, что они не высказывались столь громогласно и скандально, как фон Клейст.

«Нет, – сказал себе фюрер и даже не заметил, что при этом молитвенно сложил ладони. – Ева не могла делать это по чьей-то воле. Только не Ева! Она – нет, она не могла...»

⁷ Здесь цитируется одно из писем Евы Браун.

Желание Адольфа оправдать свою возлюбленную было настолько сильным, что он сорвался с места и несколько минут с такой решительностью вышагивал по кабинету, словно ему вот-вот предстояло войти в зал суда и выступить в роли ее адвоката.

«Но ведь Ева действительно хотела помочь мне, вернуть меня к жизни... той, настоящей... Меня и себя. Она ведь и впрямь достойна лучшей участи, нежели участь затворницы военной ставки „Бергхоф“. Вот именно, достойна, если уж Господу было угодно, чтобы она стала избранницей фюрера!»

– Позволю себе напомнить, мой фюрер, что через полчаса, на одиннадцать утра, у вас намечено совещание по поводу положения в Венгрии, – неслышно появился в дверях личный адъютант вождя обергруппенфюрер⁸ Юлиус Шауб.

– Ты прав, Юлиус, Венгрия... Теперь – уже и Венгрия, при одном упоминании о которой еще недавно отдыхала душа.

– А что поделаешь, если в штабе Верховного командования ничуть не сомневаются, что венгры тоже готовы предать нас. И произойдет это очень скоро.

– Вот почему мне нельзя отвлекаться, нельзя впадать в какие-то личные переживания. А ведь это, – постучал он полусогнутым указательным пальцем по очередному письму Евы, – непростительно умиротворяет, Шауб.

– Именно так: непростительно умиротворяет, мой фюрер.

– Когда в следующий раз к тебе попадет письмо Евы, ты не должен класть мне его на стол.

– Не должен, мой фюрер.

– Ты не должен класть мне их, эти письма! – грозно постучал теперь уже костяшками согнутых пальцев по столу Гитлер. – Я не могу бесконечно сопереживать вместе с этой женщиной. Пусть даже очень дорогой мне.

– Пусть даже очень дорогой, мой фюрер. Сейчас не время сопереживать. Даже ангелы-хранители, и те уже давно не сопереживают!

Гитлер молча уставился на Шауба. Другой на его месте попросту решил бы, что, почти бездумно, механически повторяя его слова, обергруппенфюрер откровенно издевается над ним. Но фюрер знал Юлиуса еще по тем временам, когда после мюнхенского путча тот сидел с ним в Ландсбергской тюрьме. На какое-то время они даже оказались в одной камере. И вот тогда-то Адольф вдруг почувствовал, что Шауб – именно тот, почти идеальный, собеседник, с которым он мог находиться в одной тесной камере хоть всю жизнь.

Он никогда не спорил, не возражал, не задавал лишних вопросов. Он всегда оставался благодарным слушателем. Шауб вообще мог выслушивать Гитлера целыми часами, не давая никакого повода усомниться в интересе к рассказчику и его исповедам. А на все вопросы, на все попытки спровоцировать его на полемику, на самую безоглядную откровенность отвечал односложно, всегда эхом откликаясь на последние слова сокамерника. Причем время от времени из уст его срывались откровения наподобие того, которое он услышал только что.

Для Гитлера, который с годами все чаще впадал в «словесную прострацию», извергая на слушателей неукротимый поток мысленных своих мечтаний, Юлиус и в самом деле представлял собой величайшую ценность. Да что там, это была истинная находка.

– Я понимаю, что ни ты, ни даже я уже не в состоянии запретить Еве «душевно выражать» все то, что она пытается выразить, хотя твердо знает, что оно не поддается никакому ни словесному, ни душевному выражению.

– Не поддается, мой фюрер, – потянулся Шауб взглядом вслед за конвульсивно вышагивающим по кабинету Гитлером.

⁸ Обергруппенфюрер СС – генерал-полковник войск СС.

Причем с каждым его шагом толстый мягкий ковер прогибался, отчего походка фюрера становилась еще более шаткой, нежели была на самом деле. А ведь он и так внешне напоминал человека, лишь недавно выкарабкавшегося после инсульта.

– Так собирай эти письма и держи у себя. До той поры, пока я сам не потребую их.

– ...До той поры, мой фюрер, – одутловатое, морщинистое лицо Шауба порой действительно могло служить идеальным образцом некоего «человекомыслительного», как иногда любил высказываться по этому поводу фельдмаршал Кейтель, выражения. Если бы только и само лицо, и его выражения не были такими обманчивыми.

– Но даже когда я потребую их, слышишь, Шауб, даже когда потребую... а ты почувствуешь, что в эти минуты мне важно сохранить воинственность духа для принятия более важных решений... – фюрер вдруг запнулся на невысказанном полуслове и, вернувшись к столу, безнадёжно махнул рукой.

– ...Для более важных решений, мой фюрер, – заботливо подсказал ему последние слова утерянной мысли адъютант. – Когда я почувствую...

Однако Гитлер уже понимал, что ничего этот старый ловелас-распутник Юлиус Шауб⁹, чьи лесбиянско-гомосексуальные оргии одновременно с несколькими «рейхснеложницами» уже давно перестали шокировать околорейхский люд, не почувствует. И вести с ним разговоры на эту тему бессмысленно.

– Кстати, госпожа Браун написала вам сразу два письма, – воспользовался паузой обергруппенфюрер, чтобы восстановить свое реноме заботливого подчиненного.

– Почему ты решил, что два? – уставился на него вождь рейха.

– Это я отдал вам только одно. Вот, – достал он из нагрудного кармана, – еще одно, которое я вам благоразумно не вручил.

Гитлер растерянно взглянул на адъютанта и, покачав головой, бессильно прорычал.

– Ну зачем она ударяется в эту писанину, Шауб?! Как ей объяснить все это? И вообще, зачем так часто?

– Это – женщины, мой фюрер.

– Но ведь она не обычная женщина, Шауб, она... – все больше раздражаясь, Адольф теперь уже с трудом подыскивал нужные слова. – Она – Ева Браун.

– Вы правы: она – избранница фюрера!

– Избранница фюрера, – на ходу и почти механически повторил Адольф, но, пораженный сказанным, остановился. – «Избранница фюрера» – вот определение, которого нам с тобой так не хватало, Шауб. Наши с ней личные отношения – это наши отношения. Но для всего рейха, для каждого, кто помнит о существовании Евы Браун, она есть и всегда должна оставаться избранницей фюрера.

Если бы Шауб способен был восхищаться собственными высказываниями или хотя бы научился ценить и запоминать их, он уже давно считал бы себя Цицероном. Но, к счастью фюрера, он этих амбиций был лишен. Всегда и напроць.

– ...Впрочем, тебе лучше знать, – прервал тем временем какую-то свою невысказанную мысль фюрер. – Уж кому-кому... А письмо спрячь. Я сказал: «Спрячь!» – неожиданно врубил он в стол ладонью с такой силой, что находившийся в приемной начальник его личной охраны Раттенхубер рванул дверь и просунул голову в кабинет, пытаясь выяснить, что происходит.

– Вам чем-то помочь, мой фюрер?

⁹ Реальный факт: адъютант-порученец фюрера Юлиус Шауб действительно не раз оказывался в центре амурно-сексуальных скандалов.

Но, встретившись с испуганным взглядом Шауба, мгновенно исчез. Но потом все же вновь заглянул: любопытство и чувство ответственности уже в который раз оказывались сильнее страха.

– Ничего нового в этих письмах для меня уже нет, Шауб, – вот в чем дело! – опустошенно погружался в мягкость своего кресла Гитлер, не обращая при этом внимания на своего оберохранника. – И потом... Венгрия. Передо мной сейчас Венгрия. Когда должны прийти те, кто приглашен на совещание?

Шауб взглянул на часы.

– Уже через двадцать минут.

– А ведь Будапешт – последний боеспособный союзник.

– Последний, мой фюрер. И почти боеспособный.

– Что это ты заладил? – вдруг подозрительно уставился на него Гитлер. – В последний раз я наслаждался твоим попугайничаньем в Ландсбергской тюрьме.

– В Ландсбергской, мой фюрер. В тюрьме ничто не отвлекает. В тюрьме каждый заново прочитывает свою жизнь, чтобы найти там немало поучительного.

Несколько секунд Гитлер молча, словно заведенный, кивал. Затем, встрепенувшись, как человек, неожиданно задремавший во время важного церемониала, пробубнил:

– Ты не прав, Юлиус. В тюрьме каждый заново прочитывает свою жизнь, чтобы с чистого листа писать свой «Майн кампф».

– Позвольте заметить, мой фюрер, что на «Майн кампф» способен только великий фюрер. А великий фюрер у нас только один, и это – вы! И потом, такие книги рождаются только в камерах-одиночках. Тюрьма – почти идеальное место для философского осмысления жизни.

– Для философского осмысления, – бездумно повторил Гитлер. – Какое счастье для человечества, что никто не удосужился записывать те крайне редкие мысли, которые время от времени рождаются в твоей истощенной развратом голове, Шауб! Все «Майн кампфы», все труды Ницше, Шопенгауэра и прочих померкли бы перед собранием твоих философских высказываний.

– Я это знаю, – неожиданно подтвердил Шауб. – Если бы мысли мои были кем-то записаны, возможно, меня сожгли бы на костре еще в первом классе начальной школы, мой фюрер.

4

Скорцени вскинул руку в приветствии, но Гиммлер молча, решительным жестом остановил его и указал на стул напротив Власова и рядом с каким-то офицером, лица которого отсюда, от двери, Скорцени не рассмотрел. Лишь приблизившись к столу, он узнал его – это был генерал Рейнхардт Гелен, начальник отдела «Иностранных армий Востока» Генерального штаба сухопутных войск.

«Странно, что адъютант ни словом не обмолвился о нем, – пронеслось в сознании штурмбаннфюрера, когда, шепотом поздоровавшись с Геленом, он сел на отведенное ему место. – Не придавал значения? Не хотел заострять внимание? С какой стати такая предусмотрительность?»

Впрочем, в сравнении с Власовым... Генералом добровольческих соединений... Да, именно так и называлась эта странная должность, которую умники из вермахта учредили для перебежчика. Ну а Гелен... Так ведь получается, что теперь Гелен, как начальник отдела «Иностранные армии Востока», – непосредственный покровитель Власова. Так что все в сборе.

«Уж не намерен ли Гиммлер направить меня комиссаром в армию русских пленных и перебежчиков? – мысленно расхохотался обер-диверсант рейха. – А что? Коммунист-комиссар, штурмбаннфюрер СС Отто Скорцени! Достойный венец карьеры первого диверсанта рейха!».

– Перед вами, господин генерал, – штурмбаннфюрер СС Отто Скорцени, сотрудник Главного управления имперской безопасности, – как бы между прочим представил его рейхсфюрер Власову, давая при этом понять, что появление здесь первого диверсанта – всего лишь эпизод, который не влияет на ход начавшейся беседы.

– Мы знакомы со штурмбаннфюрером, – не упустил случая Власов, и при этом задержал свой взгляд на Скорцени несколько дольше, чем требовалось по этикету.

Появление здесь шефа эсэсовцев-диверсантов, конечно же, вызвало у него целую массу вопросов, на которые никто не собирался отвечать. Да Власов и не стал бы задавать их. Он уже хорошо знал, что там, где появляется Скорцени, вопросов, как правило, уже не задают. На них отвечают.

– Однако вернемся к вашему проекту создания «Комитета освобождения народов России», – направил разговор в устоявшееся русло рейхсфюрер. – Мы никогда не скрывали от вас, генерал, своего отношения к идее Русского освободительного движения. В разное время оно было, скажем так, разным. Должен признать, что и я тоже весьма скептически относился ко многим идеям, исходящим от вас и вашего окружения.

– Недоверие к генералу, еще недавно сражавшемуся против войск рейха, вполне понятно и объяснимо, – поспешил успокоить его Власов.

– Очень хорошо, что вы это понимаете, генерал.

– Человека, который, как я, прошел через годы недоверия в своей собственной армии, подобные сомнения не травмируют.

По-немецки Власов говорил плоховато, с сильным акцентом, медленно подбирая слова. И еще Скорцени обратил внимание, что очки у него такие же круглые, в старомодной металлической оправе, как и у Гиммлера. Они оба напоминали ему старых сельских учителей.

– В таком случае нам ничто не мешает и впредь понимать друг друга.

– К тому же я помню, – неожиданно продолжил Власов после некоторой паузы, – что в свое время мне пришлось сдерживать натиск ваших войск под Москвой.

Гиммлер и Скорцени удивленно переглянулись. Этого русскому перебежчику говорить не следовало. Это уже было лишним.

Даже предельно сдержанный генерал Гелен, и тот нервно побарабанил пальцами по столу, как бы предлагая всем присутствующим забыть о сказанном.

– А ведь можно предположить, что вы, генерал Власов, все еще ставите себе это в заслугу, – хищновато прищурился Гиммлер.

Именно из-за Москвы он так долго и не желал признавать Власова в качестве союзника. Знал бы об этом русский!..

– Всего лишь пытаюсь объяснить отношение ко мне многих офицеров рейха, – стушевался Власов. И Скорцени все понял: бывший красный так и не смог окончательно выяснить, в качестве кого же он здесь пребывает: собеседника или допрашиваемого.

– Это не подлежит ни объяснению, ни тем более оправданию, господин генерал.

– Понимаю, – пробубнил себе под нос Власов.

– Если бы вы прозрели несколькими месяцами раньше, – все еще не мог успокоиться рейхсфюрер СС, – то, возможно, сейчас принимали бы... меня, и не в Берлине, а восседая в кабинете Сталина. Или как минимум в кабинете военного министра свободной России.

Теперь уже получилось так, что взгляд Скорцени встретился с усталым взглядом Гелена. Упоминание о Москве действительно оказалось некстати, это становилось все очевиднее. Но в то же время Власов прав: оборону Москвы¹⁰, в ходе которой был остановлен натиск частей вермахта и СС, многие высшие чины вермахта, СД и рейхсканцелярии ему не простят никогда. Как не простит и сам фюрер.

«Но в таком случае и приема, хотя бы в кабинете военного министра России, тоже никогда не было бы, – попытался он мысленно оправдать свою дипломатическую оплошность. – Поскольку к тому времени ты уже был бы мертвым, пленным или заурядным отставным генералом-коллаборационистом.

– Однако хорошо выстроенная вами на своем участке оборона Москвы, как и ваше контрнаступление, до сих пор убеждают нас, что мы имеем дело с настоящим, боевым, мыслящим генералом, – вдруг сухо, но спасительно проскрипел своим черствым голосом Гиммлер. В отличие от Геббельса или Розенберга он умел вести разговор, не поддаваясь особым эмоциям и сиюминутным настроениям.

– Благодарю вас, господин рейхсфюрер.

– А теперь – о вашей истинной службе России. Вы и ваш штаб должны сразу же повести работу своего комитета спасения России таким образом, чтобы он стал политическим центром, пригодным для руководства всеми белогвардейскими, националистическими, любыми другими антибольшевистскими организациями, группами и объединениями представителей всех народов Советского Союза.

– Конечно, конечно, – согласно кивал Власов, давая понять, что о сражении под Москвой окончательно забыто. – Только так.

– В ближайшее время вам надлежит выработать манифест комитета, проект которого был бы согласован с нами. Но прежде следует хорошо продумать состав самого «Комитета освобождения народов России».

Гиммлер поправил очки и блеснул ими в сторону Гелена и Скорцени, словно ожидал, что первые предложения поступят от них. Но поскольку речь шла не о военной операции, а о каком-то пропагандистском мероприятии, смысла которого Скорцени понять пока что так и не смог, то он решил многозначительно промолчать. Иное дело Гелен. Тот идею проведения конгресса воспринял очень серьезно.

¹⁰ В 1941 году, во время обороны Москвы, генерал-майор Андрей Власов командовал 20-й армией. Командование этой армией Сталин поручил ему после того, как в полночь 10 ноября 1941 года принял его в своем кремлевском кабинете. К тому времени Власов уже прославился как командир 4-го мехкорпуса, отходившего с боями от западной границы страны, в районе Львова, до Киева, а затем – как командующий 37-й армией во время обороны Киева. За оборону Москвы в январе 1942 года Власов был награжден орденом Красной Звезды и произведен в генерал-лейтенанты.

– Если позволите, господин рейхсфюрер... Еще не зная о вашем окончательном решении, мы с господином Власовым тем не менее обдумывали как идею проведения подобного конгресса, так и создания подобного комитета. И даже наметили ряд кандидатур, которые уже согласованы с руководством русского отдела гестапо.

– Что, очевидно, далось вам непросто, – едва заметно ухмыльнулся Гиммлер. Всякое упоминание о «гестаповском Мюллере» вызывало у него приступ необъяснимой иронии.

– Тем не менее замечания гестапо и лично Мюллера учтены.

– Попробовали бы вы, «друзья мои неподсудные», не учесть их, – скопировал рейхсфюрер не только слова Мюллера, но и их произношение. – Этот список при вас, генерал? – поинтересовался Гиммлер у Власова.

– Естественно.

– Неплохо было бы ознакомиться с ним. Если, конечно, не возражаете, «друзья мои неподсудные»! – по-садистски ухмыльнулся всевластный рейхсфюрер СС.

5

О своей последней встрече с регентом Венгрии Миклошем Хорти¹¹ фюрер до сих пор вспоминал с неприятной великосветской безгласностью.

Уже имея все основания обвинять адмирала в предательстве союзнических обязательств, он настоятельно вытребовал его к себе в ставку «Орлиное гнездо», разъяренно заявив Риббентропу, который занимался этим дипломатическим выманиванием семидесятипятилетнего диктатора:

«Я желаю видеть, как этот ублюдок будет распинаться на Библии, заверяя меня в своей верности и непогрешимости. Как Хорти начнет мочить в штаны, когда я наброшу ему на шею петлю фактов!»

– Лучше бы просто петлю, – проворчал присутствовавший при этом откровении военный советник фюрера, он же начальник штаба оперативного командования вермахтом генерал Йодль. – Это выглядело бы эффектнее.

И только адъютант Шауб скромно промолчал, хотя помнил, что выражение «набросить ему на шею петлю фактов» фюрер все-таки позаимствовал у него.

Начальник штаба прекрасно знал, что в случае с Венгрией разведка и в самом деле постаралась. Как оказалось, эти дармоеды-бездельники из разведки тоже иногда способны блеснуть. Особенно они стараются, когда речь идет о сплетнях и дворцовых кулуарах собственных союзников. Это бы искусство – да на разведку в стане врага!

Одного Йодль никак не мог понять: к чему столько усилий, когда этого «дипломатического старца, правителя Цыгании», как однажды назвал его Скорцени, запросто можно было убрать руками молодых соискателей мадьярского трона? Причем сделать это давно и без особого шума.

– Это политика, генерал, – неожиданно резко парировал фюрер. Он все чаще пытался запугивать своих генералов ссылками на политику и дипломатию, давая понять, что эти материи выше их солдафонского понимания. Вряд ли кто-либо из вояк догадывался, что это не просто наплыв раздражения, но и грубая месть за ворчание генералов по поводу его полководческой бездарности. – Это по-ли-ти-ка! На этом поле брани иногда следует вылезать из танка. И вместо того, чтобы впустую шевелить гусеницами, нужно шевелить мозгами.

– Теперь это так важно, – вынужден был признать Йодль. Его многотерпение было неминуемой платой за сытое тыловое спокойствие. Так или иначе, приходилось чем-то жертвовать.

Впрочем, когда семидесятишестилетний «дипломатический старец» предстал перед ним в «Бергхофе», фюрер вынужден был признать, что Альфред Йодль прав: подступаться к этому цыгану-прохвосту следовало разве что через эшафот. Только поэтому он отверг все приемы дипломатического этикета и прямо сказал регенту:

– Мы встретились не для того, чтобы изощряться в умении говорить одно, думать другое, имея при этом ввиду третье. Нам здесь, в Германии, абсолютно ясно, что вы делаете все возможное, чтобы вывести свою страну из войны.

– Но позвольте, – попытался возразить правитель «Цыгании», по-старчески плямкая и причмокивая, – наши дивизии со всей возможной стойкостью... Придерживаясь стратегических планов генштаба вермахта...

– Нет, мне совершенно понятно ваше стремление, – не стал выслушивать его фюрер, – предстать перед собственным народом спасителем армии, а значит, и нации. Историки будут

¹¹ Регент Венгрии Миклош Хорти (1868–1957). После низложения последнего короля Карла I Австрийского (он же – Карл IV), Венгрия оставалась монархией, однако престол ее был вакантным. В 1920 году контр-адмирал М. Хорти был назначен регентом, то есть временным (до избрания короля) правителем этой страны.

восхищаться. Еще бы! Какая цезарская мудрость: пока Германия побеждала, венгры помогали ей делить лавры завоевателя, а как только стало очевидным, что победа испаряется вместе со славой, венгры по-английски, не прощаясь, ушли из ее военного лагеря, чтобы, не постучавшись, как следует, присоединиться к кровавому пиршеству англосаксов.

– Позвольте, – встряхивал основательно поредевшей сединой Хорти, – у вас, господин Гитлер, нет абсолютно никаких оснований так утверждать. Лучшие, самые боеспособные дивизии венгерской армии по-прежнему...

– У меня всегда есть основания, – отрубил фюрер. – Но в случае с вами, адмирал, они вопиющи. Только невообразимая доброта все еще удерживает меня от более решительных действий. Мне хорошо известно, что вы готовите общественное мнение страны к тому, чтобы объявить о выходе Венгрии из войны.

– Да оно давно готово к такому решению! – не преминул воспользоваться случаем правитель Венгрии. – Причем без какого-либо идеологического влияния с моей стороны.

– Вы в этом уверены? – обескураженно спросил фюрер.

– В том-то и дело, что давно. Я же делаю все возможное, чтобы склонить это мнение к иному исходу, убеждая нашу общественность, что мы, как и Германия, – последний оплот западной цивилизации на пути евроазиатских орд.

Фюрер долго стоял у окна, из которого открывались склон горы и часть темно-зеленой пасти горного ущелья.

Совершенно забыв о существовании сухопутного адмирала¹², он вдруг с мистическим страхом подумал о том, что ведь Высшие Силы давно и равнодушно безмолвствуют. Тот дух, который в течение долгого времени вдохновлял его на идею Великой Германии, постепенно угасает, и никакая сила уже, очевидно, не способна возродить его.

«Когда в последний раз ты видел священное копьё Лонгина, копьё судьбы?! – уничтожающе спросил он себя. – Когда в последний раз держал его в руках, поклоняясь символу тысячелетнего рейха? Когда обращался к бессмертным духам предков, стоя у могилы Фридриха Барбароссы? Как только человек предаёт идею, отрекаясь при этом от духа и величия предков, он перестает быть повелителем своих соплеменников и превращается в обычного раба своих собственных прихотей! А, слегка поколебавшись, еще резче добавил: – или прихотей своей «избранницы».

Гитлер вернулся к столу, налег на него жилистыми нервно вздрагивающими руками и уставился на ссутулившегося, сжавшегося в комок «дипломатического старца».

– Почему вы, Хорти, решили, что с Германией уже покончено? – спросил он, переходя на резковатый, гортанный австрийский диалект, более близкий бывшему адмиралу австро-венгерской империи.

– Простите... – аристократически повел вскинутым подбородком Хорти, пытаясь вступить в полемику с фюрером, однако тот не доставил ему такого удовольствия.

– Почему вы так решили, регент?! – постучал он костяшками пальцев по ребру стола. – Что дало вам повод для этого? Те несколько досадных поражений, которые наша армия понесла на ледовых полях России?! И все? И вы решили, что рейх обречен?! Что Великой Германии больше не существует?!

– Извините, господин Гитлер, но мне не совсем понятно, о чем идет речь. К тому же меня поражают ваши недипломатические манеры.

– Мне плевать на манеры! – еще ближе наклонился к нему Гитлер. – Мне плевать на манеры, на дипломатию и все прочее, когда на моих глазах рушится рейх, рушится все то, ради чего я и миллионы моих соотечественников пожертвовали своими жизнями!

¹² В чин контр-адмирала Миклош Хорти был возведен в 1918 году. Он стал последним главнокомандующим австро-венгерским флотом. Напомню, что в те времена Австро-Венгерская империя еще обладала выходом к морю.

– Мне понятно ваше волнение, господин канцлер... – начал было Хорти, однако фюрер решительно прервал его:

– Почему вы не способны хоть на один день подняться над мышлением обывателя, пусть даже полукоронованного, и взглянуть на происходящее с высоты истории? Откуда лично у вас, а также у короля Румынии, у Муссолини, у всех прочих, кто все еще видит себя вождями своих народов, это пристрастие к ползанию у ног толпы? Вместо того чтобы вести эту толпу, подобно Моисею, через пустыню вымирающей Европы к новому миру, новому порядку, новому сверх-человеку?

Хорти опять пытался что-то возразить, однако Гитлер не намерен был выслушивать какие бы то ни было доводы или оправдания. Он вообще не желал знать мнение регента Венгрии, хотя тому казалось, что в Берхтесгаден его пригласили именно для того, чтобы наконец-то выслушать.

До этого Хорти уже не раз порывался встретиться с Гитлером, надеясь уговорить его пойти на переговоры с англо-американцами. Контр-адмиралу не нужно было обладать огромной фантазией, чтобы представить себе, что произойдет с его маленькой беспомощной Угрией, когда на ее придунайских холмах и равнинах сойдутся две – германская и советская – армии. О самой возможности такого схождения регент думал с ужасом.

Он давно помышлял о такой встрече, и вот она, наконец, состоялась. Причем состоялась по воле фюрера. Тогда почему сам фюрер всячески пытается сорвать эти переговоры? Чтобы потом доказывать и своему окружению, и венгерской оппозиции во главе с Салаши¹³, что с Хорти вести переговоры невозможно?

Тем временем Гитлер говорил и говорил... Монолог его казался бесконечным в своем неудержимом потоке слов и карающим в своем праведном гневе, который источало каждое его слово.

Фюрер то набрасывался на регента с такой ненавистью, словно само существование этого престарелого правителя и его маленькой страны было причиной всех неудач Третьего рейха; то вдруг забывал о его присутствии и пускался в обобщенные размышления о том, что теряет Европа, пытаясь погубить зарождающуюся на просторах Германии новую цивилизацию, и к каким страшным последствиям может привести господство коммунистов, если оно станет распространяться от Тихого океана до Средиземного моря.

Теперь Хорти лишь изредка поддакивал, красноречиво разводил руками или, прикладывая покрытые старческими пигментными пятнами руки к груди, изображал несогласную, но бессловесную невинность. И лишь когда фюрер окончательно разрядился и обессиленно опустился в кресло, стоящее так, чтобы он мог любоваться окаймленным оконной рамой пейзажем, краем глаза поглядывая при этом на своего беспутного гостя, адмирал, наконец, начал обретать дар несмелой и политически все еще нечленораздельной речи.

– Мне понятна ваша государственная обеспокоенность, господин Гитлер. Но смею вас заверить, что Венгрия и впредь остается союзницей Германии и что ее войска будут сражаться вместе с частями вермахта до... – Хорти замялся, не зная, до чего именно способна досражаться «непобедимая армия угров», поскольку выпалить: «До полной победы!» или «До последнего солдата!» ни мужества, ни ума у него не хватило.

Впрочем, всего этого Гитлер уже не слышал. Совершенно не обращая внимания на Хорти, он уже в который раз взглянул на возвышающиеся над камином часы. Они неумолимо отсчитывали время, оставаясь безразличными к словам и деяниям этих двух людей, к их мании величия и унижительной игре в раболепие ради сохранения собственной головы.

¹³ Ференц Салаши (1897–1946). Происходил из семьи профессионального военного. В 1925–1935 годах был офицером Генштаба венгерской армии. Лидер венгерской профашистской партии «Скрещенные стрелы». В октябре – декабре 1944 года правил Венгрией после свержения Хорти. В 1946 году был приговорен венгерским Народным судом к смертной казни и 12 марта 1946 года казнен.

Хорти уже давно заметил, что Гитлер то и дело бросает взгляд на эти часы, стоявшие настолько близко к нему, чтобы он мог следить за движением стрелок, не напрягая свое немощное зрение. В любом случае это представлялось Гитлеру куда более деликатным занятием, чем поглядывание на свою карманную швейцарскую луковичку.

Вот только регент Хорти никак не мог понять, что это за странная спешка такая, при которой, нервно наблюдая время, Гитлер тем не менее не спешил завершить разговор, а скорее наоборот, всячески затягивал его.

– Вы не убедили меня, господин Хорти. Вы попросту не в состоянии убедить меня, поскольку я верю фактам, верю донесениям моих дипломатов и разведке. Мне прекрасно известно, как вы готовитесь к переговорам с американцами и кого метите в посредники. Как вы prostituiруете, извините, распинаясь между янки и англосаксами. Все это крайне позорно и непорядочно с вашей стороны.

Произнесенные Гитлером слова прозвучали более чем резко. Они были откровенно оскорбительными. Однако адмирал успел заметить, что фюрер все же окончательно успокоился. Если он и ворчал, то уже не из неприязни к нему, а как бы по долгу службы. Но «по долгу службы» – это правителю Венгрии было понятно. Сам не раз прибегал к тактике карающего гнева, артистично воспроизводя его даже в те минуты, когда совершенно не хотелось не то что портить себе нервы какими бы то ни было выяснениями, а вообще видеть перед собой того или иного подданного.

Оба они не сразу заметили, что в проеме бесшумно отворенной двери возникла фигура обергруппенфюрера СС Юлиуса Шауба. Да и личный адъютант Гитлера тоже не решался нарушать их молчаливое единоборство, предпочитая, чтобы его случайно заметили.

Прошло не менее двух минут, прежде чем Гитлер, в очередной раз метнув взгляд на часы с амурами и ничем не выдавая того, что видит адъютанта, едва слышно произнес:

– Слушаю вас, Шауб.

– В столице все спокойно, мой фюрер.

Гитлер на мгновение замер, затем резко поднялся и прошелся вдоль окна. От Хорти не ускользнуло, что на благодушное сообщение Шауба фюрер отреагировал так, словно тот сообщил ему о массовом налете на Берлин авиации противника, подобно памяtnому даже ему, регенту Венгрии, налету на Швайнфурт¹⁴.

– Вы уверены, Шауб, что там действительно все спокойно? У вас есть точные, надежные сведения?

– Вполне надежные сведения, – не расстался Шауб со своей привычкой отвечать, используя последние слова собеседника. – Ваш личный уполномоченный уже дважды просил связать его с вами. Но поскольку...

– Понятно, Шауб, понятно, – поспешно прервал его фюрер, явно опасаясь, чтобы тот не сболтнул чего-либо лишнего.

– Позаботились о том, чтобы накрыть стол?

– Он накрыт, мой фюрер, – доложил Шауб, вытянувшись так, словно докладывал о только что взятой его войсками вражеской столице. – И фрау Ева уже ждет вас.

Гитлер взглянул на адъютанта, как на городского сумасшедшего, но было уже поздно. Из-за болтливости Шауба регенту Венгрии стало ясно, почему концовка его беседы с фюрером проходила в какой-то странной нервозности и в конце концов была основательно скомкана. Только потому, что у фюрера намечалась встреча с любовницей! Как же это оскорбительно!

¹⁴ Этот беспрецедентный к тому времени массовый налет на немецкий город Швайнфурт произошел 14 октября 1943 года. Целью атаки, в которой участвовало 700 тяжелых бомбардировщиков 8-й воздушной армии США в сопровождении 1300 союзнических истребителей, было уничтожение находившегося там шарикоподшипникового завода – крупнейшего в Европе и имеющего важное военное значение. Свидетели сравнивают этот налет с адом. Союзники потеряли много боевых машин, однако цели своей достигли: завод и значительная часть города были стерты с лица земли.

– Это не последняя наша встреча, господин регент, – вновь обратился фюрер к контр-адмиралу. – Но я должен быть уверен, что к разговору о ваших союзнических обязательствах возвращаться мы уже не должны. Они святы.

– Видите ли, господин Гитлер, Венгрия – маленькая страна, и наши военные, а также сугубо людские ресурсы... – в очередной раз попытался удариться в дипломатию адмирал, однако фюрер резко прервал его:

– Союзнические обязательства святы, господин регент. И я сумею убедить в этом каждого, кто осмелится усомниться в моем праве и моих возможностях убеждать. Они святы, господин Хорти! Все, я вас больше не задерживаю.

6

Пока Власов доставал из нагрудного кармана свернутый вчетверо листик, руки его предательски дрожали. Заметив это, Скорцени взглянул в лицо генерала-перебежчика с презрительным сочувствием. Не хотел бы он оказаться в его шкуре.

– Это черновик. Здесь мои правки. Поэтому позвольте зачитать.

«Какой же он все-таки жалкий!» – все еще не мог успокоиться Скорцени, вглядываясь в худое, почти изможденное, лишенное всякого аристократизма, свойственного немецким генералам, пролетарское лицо Власова.

– Позвольте? – неуверенно уточнил генерал.

Гиммлер как-то недоуменно пожал плечами и, кислотовато улыбнувшись, кивнул.

Власов держал листик обеими руками, правая рука его дрожала значительно сильнее, и Скорцени показалось, что перебежчик пытается удерживать ее, сжимая кисть пальцами левой. Получалось, что листик он держал, словно Библию.

– Первое условие...

– Вы начинаете с условий? – поползли вверх брови Гиммлера.

– Я имел в виду условие создания и деятельности самого союза, – нервно уточнил Власов.

– Я просматривал эти записки, – вступился за него Гелен, – там имелось в виду именно то, о чем говорит генерал.

Власов признательно взглянул на руководителя «абвера-2» и продолжил:

– «Общерусский воинский союз», по нашему мнению, должны представлять весьма авторитетные среди русских военных генералы. Хотя бы такие, как Абрамов и Балабин. – Власов приподнял голову, и из-за листа, словно из-за бруствера окопа, посмотрел на Гиммлера.

– Авторитетные среди белогвардейских генералов, – уточнил тот.

– Именно так.

– Потому что ваши красные генералы, – сделал ударение рейхсфюрер на слове «красные», – никакого особого доверия ни у германского, ни у русского белогвардейского генералитета не вызывают.

Власов что-то хотел ответить, но запнулся, мигом растеряв все известные ему немецкие слова, и лишь взглянув на непроницаемое лицо Гелена, вовремя нашелся:

– Совершенно верно. Вы правы.

– Значит, было бы лучше, если бы на их месте оказались два генерала из тех, что обучаются сейчас немецкому языку в лагерях для пленных.

– Но авторитет названных генералов значителен именно в эмигрантской среде, которая тоже важна для нас. Учитывая изменение государственного строя, которое неминуемо...

– Читайте дальше, – с мягкой бесцеремонностью прервал его толкования Гиммлер.

– «Общерусский воинский союз Балкан» мог бы достойно представить генерал Крейтер, – заторопился Власов. – Европейскую белоэмиграцию – господина Руднев и Лямпе. А также руководитель самой организованной и влиятельной части ее – парижской – господин Жеребков, который в нашем комитете мог бы возглавить отдел пропаганды.

– Уверен, что Геббельс не станет возражать, – заметил Гелен. – Он знает Жеребкова.

Гиммлер поморщился, как бы говоря Гелену: «Нашли авторитет – Геббельса! Будет возражать – не будет...»

– От «Национального союза участников войны» – его руководитель господин Туркин.

– «Участников войны»? – переспросил Гиммлер. – Какой? Я спрашиваю: какой войны?

– Ах, да-да, – закивал головой Власов. – Имеется в виду Первая мировая. Ну и, конечно, наша, Гражданская...

– Тогда это меняет дело. Я уж решил, что вы успели создать союз ветеранов нынешней войны.

– Это было бы преждевременным, – подобострастно улыбнулся Власов, вновь поглядывая на Гелена.

– Однако замечу, генерал, что главный вопрос нашей встречи заключается не в создании вами «Комитета освобождения народов России», а в формировании Русской освободительной армии. Настоящей, боеспособной армии. – Гиммлер выдержал паузу и в очередной раз высветил Власова свинцовыми прожекторами своих очков.

– Русской освободительной?! – взволнованно переспросил Власов, машинально приподнимаясь.

– Вам не нравится название?

– Что вы! Благодарю. Я ждал этого момента, господин рейхсфюрер. Верил в это. Но... вы знаете, что я уже не однажды обращался к господину Гитлеру...

– Я знаком со всеми вашими обращениями по поводу создания РОА к руководству Генерального штаба, германскому правительству и самому фюреру. В том числе и с посланием, содержащим просьбу о встрече, которое вы передали Гитлеру в конце прошлого года через гросс-адмирала Деница. Знаю также, что оно осталось без ответа.

– К величайшему сожалению.

– Мне бы не хотелось ни объяснять, ни комментировать причины и ситуации, которые вынуждают фюрера и некоторых других руководителей Германии с сомнением относиться к идее создания Русской освободительной армии. Да в общем-то они хорошо известны вам, и мы об этом только что говорили. Я попытаюсь согласовать этот вопрос с фюрером.

– Вы правы: в объяснениях нет необходимости. Как я уже говорил в начале нашей встречи, мотивы мне действительно понятны.

– Генерал-полковник Гальдер, как и его преемник на посту начальника Генерального штаба вооруженных сил генерал-полковник Цейтцлер, очень активно поддерживали ваше стремление создать вооруженные части РОА. И кое-что уже было сделано. Основа, я бы сказал, заложена. Но случилось так, что в июне 1943 года, на совещании в ставке фюрера в «Бергхофе»¹⁵, в котором принимали участие Кейтель и Цейтцлер, фюрер настоял, чтобы все русские соединения были разоружены, а личный состав использовался исключительно на трудовом фронте. Запретив при этом какие-либо конкретные официальные высказывания по поводу будущего устройства России.

– Значит, приказ разоружить русские соединения исходит от... Гитлера?! – удивленно переспросил Власов. – Простите, я этого не знал. Мне казалось...

– Что вам казалось? – резко, предостерегающе спросил теперь уже Гиммлер. Он не знал, что авторство этой злополучной идеи остается для Власова тайной. И засомневался: был ли смысл открывать ее?

– Видите ли, я верил, что...

И хотя он не договорил, Скорцени прекрасно понял, чему русский генерал верил вплоть до последних дней, – что стоит ему пробиться на прием к Гитлеру, и проблема сразу же будет устранена, все решится как нельзя лучше. Он-то считал, что все беды РОА – результат козней гестапо и СД.

Конечно, гестапо и СД имели свой интерес к особе перебежчика. Скорцени мог бы многое рассказать этому мечущемуся между фронтами и концлагерями генералу по поводу того, как СД, с благословения того же Гиммлера, усиленно просвечивало его самого и его кадры,

¹⁵ Исторический факт. Во время совещания в «Бергхофе» Гитлер резко и крайне отрицательно отнесся к идее создания боеспособных русских частей, что чуть было не привело к полной ликвидации власовского движения. На свой страх и риск, генерала Власова и саму идею формирования РОА спасали тогда многие генералы и офицеры вермахта и СС.

выискивая среди них агентов русской разведки. Как именно они мешали ему пробиваться в кабинеты Кейтеля, Геринга и того же Цейтцлера. Тем не менее Гиммлер прав: главным препятствием на пути к созданию полноценной освободительной армии с самого начала являлся не кто иной, как фюрер, не желавший даже слышать ни о какой русской армии, ни о каком освободительном движении, ни о каком воссоздании русской империи.

Мало того, Скорцени мог бы оголить перед генералом и некоторые другие тайные пружины незримого конфликта между СС, СД, гестапо и «Русским комитетом» Власова.

Именно в то время, когда Власов зарождал идею РОА, Гиммлер усиленно создавал иностранные соединения эсэсовских войск. Храбрость норвежских и датских легионеров, сражавшихся в дивизии СС «Викинг», упорство югославских командос из дивизии «Принц Евгений», действия других национальных подразделений давали рейхсфюреру повод ставить вопрос о формировании множества новых частей СС из украинцев, венгров, хорватов, а возможно, из русских. Но с условием, что они будут находиться в его личном подчинении, а не в подчинении Власова, а, следовательно, – в подчинении Генерального штаба сухопутных войск. Кроме всего прочего, появление на фронтах дивизий Русской освободительной армии мешало бы пропаганде создания «славянской колониальной империи», доминиона Великой Германии.

– Да, таковой была воля фюрера, – произнес Гиммлер, несколько поколебавшись. – Теперь я могу сказать вам об этом. Точно так же, как могу сообщить, что в последнее время Гитлер пересмотрел свои взгляды на эту проблему. По крайней мере, начал придавать ей значительно больше внимания, чем раньше.

«Раскрыв позицию фюрера, Гиммлер, таким образом, пытается укрепить доверие русского генерала к себе, а главное, к генерал-полковнику Цейтцлеру, – понял Скорцени. – По мере того как скудеют мобилизационные ресурсы вермахта, акции русских добровольческих соединений все возрастают и возрастают. Может кончиться тем, что Восточный фронт будет состоять исключительно из русских. А что, русские против русских! – мрачно улыбнулся про себя первый диверсант рейха. – Варварство против варварства. И пусть истребляют друг друга! Пусть самым жесточайшим образом истребляют!»

– Могу сказать вам больше, господин генерал, – выкладывал Гиммлер оставшиеся козыри доверия. – Нам тогда стоило немалых усилий, чтобы помешать разоружению русских батальонов и, сохранив их, как воинские соединения, направить на западные рубежи рейха, в частности, на партизанские фронты Сербии и Хорватии. Именно эти батальоны, уже проверенные и испытанные в боях против врагов рейха, и станут основой будущих дивизий РОА.

– Мы всегда будем признательны вам за это, – слишком холодно для такого случая поблагодарил Власов. – Как, по-вашему, на какое количество дивизий мы могли бы рассчитывать, создавая Русскую освободительную армию?

– А сколько бывших советских войск сражается в рядах вермахта в наши дни?

– Мне это неизвестно, – сказал Власов.

– Исходя из доклада генерал-полковника Курта Цейтцлера во время совещания в «Бергхофе», – полистал бумаги в своей папке генерал Гелен, – к августу 1943-го на стороне вермахта сражались один полк, семьдесят восемь отдельных батальонов и сто двадцать две отдельные роты, полностью укомплектованные из русских. В более крупные соединения их до сих пор не сводили, поскольку таковы были принципы. Также известно, что на сегодняшний день около двухсот двадцати тысяч бывших советских солдат числятся добровольцами-помощниками при германских артиллерийских частях, из расчета четыре-пять помощников на одного германского артиллериста, и еще порядка шестидесяти тысяч русских служат в различных охранных ротах и командах.

– Эти сведения взяты из доклада начальника Генштаба? – недоверчиво уточнил Гиммлер.

– Так точно, господин рейхсфюрер.

– Тогда можно считать, что костяк армии у нас уже есть.

– К этому следует добавить сорок семь тысяч добровольцев, которые без охраны трудятся на железной дороге¹⁶, – добавил Гелен. – Пока это все.

В кабинете воцарилось какое-то приподнятое молчание. Папка Гелена оказала неоценимую услугу всем присутствующим.

– По-моему, самое время вернуться к нашему вопросу о возможной численности дивизий Русской освободительной армии, – нарушил это молчание Власов. – Все те сотни рот и батальонов, о которых начальник Генштаба докладывал фюреру, убеждают нас в достаточной эффективности использования русских солдат. Можно представить себе, насколько увеличится численность моих войск, когда будет объявлено о создании полноценной Русской освободительной армии.

Узнав о столь огромной численности бывших советских военнослужащих, пребывающих сейчас в составе вермахта, охранных отрядов и команд добровольцев, бывший любимец Сталина явно воспрял духом. Теперь он вел себя так, словно это он сам привел за собой сотни тысяч русских на помощь вермахту, словно это его идеи привели всех этих пленных, перебежчиков и добровольцев с оккупированных территорий в стан вчерашних врагов.

– Думаю, что речь должна идти о не менее чем десяти полнокровных, по военным дивизионным штатам укомплектованных русских освободительных дивизиях.

– Десять дивизий?! – Власов сорвал с переносицы очки, нервно протер их грубоватыми, почерневшими за время пребывания в концлагерях пальцами и, снова водрузив на их нос, победно осмотрел Гелена и Скорцени. Как будто до сих пор они выступали против формирования этих частей.

– Поздравляю, – кротко засвидетельствовал свое почтение Гелен. – Десять полнокровных дивизий – это уже действительно армия.

– Но из этого не следует, что мы должны оголить многие части вермахта, изымая из их штатов всех русских добровольцев. В этом смысле вы можете рассчитывать лишь на определенную часть военнослужащих, причем в основном на офицеров. Пополняться придется за счет лагерей военнопленных, новых перебежчиков и так далее.

Однако никакого внимания его предостережению Власов не придал. Он все еще пребывал в состоянии эйфории.

– Признаться... – благоговейно остановил он свой взгляд на Гиммлере. – Русская армия такой численностью! В боевом содружестве с частями вермахта...

– Но ее еще нужно создать, – заметил теперь уже Гелен. – А это не так просто. Во всяком случае, значительно труднее, чем в сорок втором году, когда наша пропаганда на Восточном фронте могла быть значительно убедительнее.

– Да, это будет непросто, – резкоотреагировал Гиммлер, недовольно покосившись на Гелена.

Тот не должен был развеивать эйфорию русского генерала по поводу очередной щедрости рейхсфюрера, и уж тем более – вспоминать о сорок втором, который стал годом сдачи Власова в плен.

– Конечно же, создавать РОА в те времена было бы значительно легче, – согласился будущий командующий РОА с доводами Гелена. – Ведь тогда большевики терпели поражение за поражением.

– Но и теперь еще не все потеряно, – заверил его Гиммлер. – Именно поэтому мы будем содействовать вашим встречам, генерал, с Герингом, Геббельсом, Риббентропом. И особенно – с министром по делам восточных территорий господином Розенбергом.

¹⁶ Все эти сведения действительно взяты из доклада начальника Генштаба сухопутных войск Германии генерал-полковника Курта Цейтцлера (встречаются также написания: Цайцлер, Цейтлер), во время совещания у фюрера в ставке «Бергхоф». И нет оснований не доверять им, поскольку они приведены на закрытом секретном совещании и не рассчитаны были на прессу и вообще на использование в пропаганде.

– С господином Розенбергом отношения у меня складываются не совсем удачно, – признал Власов.

Гиммлер удивленно взглянул сначала на него, затем на Гелена. Для него это было новостью. Во всяком случае, стало ясно, что с нюансами этого конфликта он не ознакомлен.

– Прежде всего вы, господин Власов, имеете в виду то обстоятельство, – вновь пришел на помощь рейхсфюреру генерал Гелен, – что господин министр не дал вам возможности обратиться к военнопленным и русскому населению по обе стороны фронта с призывом вашего так называемого Смоленского освободительного комитета?

– В том числе – и это.

– Вот в чем дело! – оживился Гиммлер. – Да-да, вспоминаю. Розенберг был решительным противником такого обращения. Хотя теперь мы с вами понимаем, что своевременное появление такого призыва, пропагандистская шумиха вокруг него могли бы оказать достаточно сильное влияние на умонастроения ваших земляков. Но ведь мы поняли это только теперь, – впервые улыбнулся рейхсфюрер. – Можно лишь сожалеть, что ваш прибалтийский земляк Альфред, по-вашему, если не ошибаюсь, Альфред Вольдемарович Розенберг, оказался в данном вопросе слишком недалеким. Хотя кое-кто склонен считать его одним из весьма дальновидных теоретиков национал-социализма. Особенно глубокими кажутся им – да и мне тоже – выводы о еврейской сущности большевизма.

– Ну, что уж было, то было, – примирительно молвил Власов. – Думаю, теперь господин министр изменит свое отношение к русскому движению.

– Пообещайте господину Розенбергу, – неожиданно вмешался в их разговор Отто Скорцени, – что после захвата, то есть я имел в виду освобождения, Москвы, вы позволите ему построить в самом ее центре, рядом с Кремлем, огромный крематорий, проект которого у него уже создан. Розенберг будет счастлив.

Все понимающе заулыбались. Даже Власов уже знал, что во времена революции в России студент Рижского университета, несостоявшийся архитектор Альфред Розенберг, переехавший в годы Первой мировой в Москву, трудился там над проектом грандиозного крематория¹⁷.

Когда Власову стало известно об этих стараниях «латышско-германского полуеврея» Розенберга, он был потрясен философской заумью судьбы этого человека. Он живо представил себе, как в холодной и голодной, разоренной революцией и Гражданской войной Москве сидит себе некий, люто ненавидящий все славянское, человечек и корпит над диковинным по тем временам сооружением – крематорием. Как, читая сообщения в газетах о колоссальных потерях на фронтах Гражданской войны, а также о гибели от голода, тифа, туберкулеза и прочих болезней в Москве и на ее окраинах, Розенберг возбужденно потирал руки, все больше убеждаясь в полезности его «гросс-крематория для русских». Ведь с каждым днем «крематорного материала» становилось все больше и больше. И как, спустя много лет, этот же человек пытался превратить в сплошной крематорий всю Славянию.

– Кстати, на наш взгляд, – сменил тем временем направленность разговора Гиммлер, – следует уже сейчас уравнивать в правах русских пленных и восточных рабочих с пленными и рабочими из других стран. Надеюсь, это облегчит участь ваших вербовщиков. Не так ли, господин командующий Русской освободительной армией?

¹⁷ Исторический факт. Розенберг действительно уже в те годы подготовил проект гигантского крематория для москвичей, и в 1941 году он все еще не терял надежды построить его в центре Москвы. Но опять неудача!

7

На изгибе горной дороги, ведущей из ставки фюрера к аэродрому, Миклош Хорти приказал водителю остановить машину и, не спеша, старчески покряхтывая, вышел из нее.

– Секретаря, – вполголоса молвил он адъютанту и телохранителю в одном лице капитану Вентару, гренадерского роста офицеру из личной охраны регента.

Однако звать графа Кароля фон Анташа не пришлось. Личный секретарь и так уже вышел из машины сопровождения и направился к адмиралу. Он всегда каким-то чутьем угадывал, когда именно адмирал молитвенно желает видеть его и когда так же молитвенно желает... не видеть.

Адмирал знал об этой его способности, как знал и о том, что воспитанный в венских аристократических кругах Анташ со снобистским снисхождением воспринимает и его самого, и его регентство, и «всю эту убогую, цыганствующую» Венгрию, которую в частной переписке и дневниковых записях так и называл «Цыганией». Тем не менее, изумляя истинных сторонников, считал Анташа одним из самых преданных своих людей, который и в самом деле ни разу не предал его, – что оставалось загадкой для всего регентского двора.

Тем временем слабеющим взором Хорти осматривал суровые в своем величии вершины Альп, открывающихся по ту сторону широкой горной долины. Семидесятишестилетний правитель Венгрии прекрасно знал, что его называют то «сухопутным адмиралом», «то адмиралом без флота» или «регентом без короля и королевства».

Однако все это Хорти воспринимал с неизменно холодным высокомерием на почти неподвижном худощавом лице с отвисшими щеками и «индюшиным» подбородком. Высокомерие – вот что он по-настоящему сумел приобрести на посту регента, и вот, что давно роднило его с австро-венгерским аристократом Анташем, единственным человеком, который знал, что самая большая слабость сухопутного адмирала – это горы, в которые он, обитатель равнинной Венгрии, был влюблен очень давно, и с каждым годом все безнадежнее.

Граф и в самом деле был единственным, кто давно обратил внимание, что стены покоев адмирал-регента увешаны не морскими пейзажами и романтическими видениями парусов, а суровыми в большинстве своем заснеженными вершинами гор.

– Это были не переговоры, Анташ, – мрачно проговорил адмирал, подступая к самому обрыву, словно собирался метнуться с него в бурные воды грохотающей где-то внизу, в глубине каньона горной речушки.

– Считаете это обычной встречей?

– Я – в том смысле, что так переговоры не проходят. На высшем уровне так международные встречи не организывают, и на переговорах так себя не ведут.

– А ведь Гитлер и не приглашал вас для переговоров, господин адмирал. – О чем бы этот отпрыск древнего дворянского рода Анташей ни говорил, на лице его всегда вырисовывалась улыбка, преисполненная презрения ко всему, что он видел и что слышал; ко всему, что пытались доказывать ему, и даже к тому, что утверждал он сам. – Он не для разговоров с вами заманивал вас в Германию.

Кароль Анташ сам считал себя наследником трона, чья родословная якобы восходила к роду первого венгерского короля Иштвана Святого и даже какой-то там ветвью – к самому князю Арпаду¹⁸. Однако сорокалетний Анташ прекрасно знал, что официальным преемником Миклоша Хорти парламент уже назначил его сына, и тоже Миклоша. И что в обозримом буду-

¹⁸ Первый король Венгрии Иштван I Имре, он же Иштван Святой, правил в 1101–1103 годах. Именно он, объединив несколько венгерских княжеств, добился от Папы Римского титула короля, заложив, таким образом, традиции королевской монархии. Династия Арпадов была основана в 890 году князем Арпадом. Именно к этой династии принадлежал король Андраш (Эндре) I, женой которого стала великая княжна киевская, дочь Ярослава Мудрого Анастасия Ярославовна.

щем страна его вряд ли сумеет вернуться к облику полноценной европейской монархии и взлелеять в стане своей аристократии новую королевскую династию.

Но даже если это произойдет, шансов оказаться в короне у него, графа Кароля Анташа, практически нет. Причем сразу по нескольким очевидным причинам. Одна из них – твердое убеждение венгерской элиты в том, что Анташ специально оставил Вену и втесался в доверие Хорти, чтобы пробиться к трону. А допустить этого нельзя, поскольку он вновь загонит несчастную Венгрию под австро-венгерскую, или – что еще хуже – под австро-венгро-баварскую корону.

Именно это обстоятельство заставляло Анташа, с одной стороны, с чувством претендента на трон иронично относиться к регентскому правлению адмирала Хорти, а с другой – всячески поддерживать его реноме правителя, дабы никогда не увидеть на этом посту, не говоря уже о пустующем троне, одного из своих врагов и завистников.

К тому же Анташ помнил, что до войны, почти в течение трех лет, вел переговоры с Муссолини и с представителями осевшей в Италии Савойской королевской династии об избрании на венгерский трон одного из ее представителей. Это раздражало Гитлера, который очень опасался, что Венгрия, к тому времени самый надежный союзник рейха, полностью окажется в сфере влияния дуче Муссолини. И такие настроения в придворных кругах регента действительно преобладали: отдаленная от границ Венгрии, слабая в военном отношении Италия казалась венграм предпочтительнее нависающей над страной Германии, которая после аншлюса Австрии вполне могла возжелать и другую часть бывшей Австро-Венгерской империи.

Но только приближенный к регенту граф Анташ знал, что на самом деле Хорти лишь создавал видимость «поисков монарха», умело играя при этом на имперских амбициях Рима и Берлина. Потому что в душе регент-адмирал и его сторонники были убеждены: никакого монарха на стороне искать не надо, он уже есть, в самом Будапеште; и уже проявил себя на службе Венгрии. Только политический слепец или враг венгерского возрождения не в состоянии разглядеть его на будапештском олимпе.

Возрадовавшись тому, что, согласно положениям Трианонского и Версальского мирных договоров, представителям династии Габсбургов запрещено было занимать венгерский трон, регент его, венгерский аристократ Миклош Хорти де Нагибанья, надеялся то ли окончательно завладеть короной, то ли сделать наследственным временный пост регента, к приему которого уже готовил своего сына, что-то вроде регент-принца. К чему он стремился на самом деле – этого не знал никто.

Но даже раздвоение столь убогой альтернативы коронации на венгерский трон представителя одной из европейских династий вызывало в лагере хортистов опасную смуту, поскольку одна часть его понуждала регента решиться на основание собственной династии, а другая, настроенная прореспубликански, призывала вообще покончить с монархическим прошлым Венгрии.

Что же касается Анташа, то он никогда не называл Хорти регентом, обращаясь к нему лишь с употреблением его более чем странного для Венгрии чина – адмирал.

– Для чего же Гитлер в таком случае приглашал меня, фон Анташ? – все еще не мог успокоиться оскорбленный Миклош Хорти. – Вы ведь находились в приемной вместе с адъютантом фюрера и, наверное, все слышали?

– Кое-что до моего слуха долетало, господин адмирал. Но в словах, которые говорил Гитлер, я не находил для себя ничего нового. По тому, как вас встречали и как вело себя окружение фюрера, было ясно, что в минуты, проведенные с вами, Гитлер решал для себя совершенно банальный вопрос: «Арестовывать этого „предателя Хорти“, или не арестовывать?».

– На арест он никогда не решился бы, – мягко возразил Хорти, слегка шокированный такой прямолинейностью адъютанта. Хотя весь регентский опыт подсказывал контр-адмиралу, что, как бы он ни оспаривал тот или иной прогноз Анташа, в конечном итоге предсказание

«придворного аристократа» всегда сбывалось. – Арестовывать главу независимого государства, которого ты пригласил в свою ставку на переговоры! На такое редко решались даже правители Монголии и Персии.

– Но ведь решился же Гитлер ввести в Венгрию свои войска¹⁹, в том числе и части СС, а также структуры СД и гестапо; а, введя, сразу же начали депортацию в концлагеря венгерских евреев и цыган.

– Германские войска были введены с нашего согласия, – как можно сдержаннее напомнил Хорти. – Как войска союзников, а также в связи с тем, что вражеские войска приближаются к нашим границам. И вообще, это не тот вопрос, который мы с вами, Анташ, обсуждаем.

– Кто знает, – философски усомнился граф. – В политике все таким странным образом взаимосвязано.

– Это не тот вопрос, Анташ, – хоть и без осязательного раздражения, но значительно тверже повторил Хорти. – Лучше поведаете мне о ваших выводах и предчувствиях.

– Обычно вы им не доверяете. – И на сей раз иронично-снисходительная улыбка на лице графа прорезалась выразительнее обычного.

– Нынешним вашим тоже доверять не стану. Только поэтому поведаете.

– От адъютанта я узнал, что фюрер ожидал приезда в ставку обер-диверсанта рейха Отто Скорцени.

– Если Гитлер кого-то и ждал, то Еву Браун, которая, если я верно понял, возвращалась из Берлина.

Хорти недоверчиво посмотрел на графа и коротко, почти беззвучно, зато сотрясаясь всем своим обрюзглым телом, расхохотался.

– Хотите сказать, что без Скорцени они уже не решились бы арестовать меня, посадив хотя бы под домашний арест? И потом, вы что, представляете себе ситуацию, при которой Скорцени, будучи вызванным в ставку фюрера, позволил бы себе не прибыть туда?

– Скорцени – единственный, кто мог бы себе это позволить. Но адъютант фюрера Шауб сообщил мне, что за два часа до встречи фюрер отменил его вызов в ставку.

– Почему он сказал вам об этом, Анташ?

– Потому что я попросил познакомить меня со Скорцени, а, он не учуял в этом провокации.

– Может, действительно назначить вас главой разведки, а граф фон Анташ? Уже не раз обдумывал такую рокировку. Кстати, должность там генеральская.

– В принципе я не против. Однако делать этого не следует. На посту вашего секретаря мне удастся знать значительно больше и достовернее, нежели я умудрялся бы знать, пребывая на посту руководителя столь слабо налаженной венгерской разведки.

– Это в вашем духе, граф. – Анташ давно приметил, что о графском титуле его регент вспоминает, только когда хочет похвалить или отблагодарить. У него это нечто вроде медали. – Но зачем фюреру мог понадобиться Скорцени? Любой эсэсовец, которому фюрер приказал бы меня застрелить, сделал бы это, не задумываясь.

– Скорее всего, для устрашения. Скорцени не зря называют «самым страшным человеком империи». Для фюрера образ Скорцени – такой же символ суда и кары, как для палача – секира.

– Значит, теперь мы с вами должны радоваться, что Скорцени не был вызван в ставку?

– Наоборот. Если бы Гитлер вызвал Скорцени, это стало бы всего лишь актом устрашения. Но если не вызвал, значит, решил, что Скорцени пора не запугивать регента Венгрии своими ритуальными шрамами, а... попросту ликвидировать его.

¹⁹ Официально германские войска были введены в Венгрию в марте 1944 года, после чего гестапо и СС сразу же принялись за депортацию из страны евреев и цыган, которые до этого гонениям здесь не подвергались. Но введены эти войска действительно были с согласия регента Миклоша Хорти.

Хорти с трудом оторвал взгляд от копьеобразной вершины, сливающейся где-то вдали с подоблачной дымкой, и медлительно, слишком медлительно повернулся лицом к графу фон Анташу. Регент давно привык к тому, что на самые сложные вопросы его секретарь отвечает без излишней дипломатии и предельно прямолинейно. И все же сегодня граф, похоже, превзошел не только все мыслимые нормы этики, но и самого себя.

– Вы считаете, что где-то здесь может находиться... – все также медлительно осмотрелся Хорти по сторонам.

– Зная вашу страсть к горам и привычку выходить из машины, чтобы полюбоваться очередным горным пейзажем, Скорцени вполне мог бы расставить в предполагаемых местах своих снайперов. Но, во-первых, это не почерк Скорцени, а во-вторых, из соображений государственного престижа фюрер не позволил бы осуществить этот акт на территории Германии. Уверен, что сам Скорцени предпочтет делать переворот с размахом, прямо в Будапеште.

– Мне не верится в это, – покачал головой регент.

– Этот виртуоз диверсий и похищений, – как ни в чем не бывало продолжил изложение своей версии граф Кароль фон Анташ, – привык работать на публику. Зная, что с его шрамами все равно не скрыться и не замаскироваться, он избрал путь нападения с открытым забралом. Ну а что касается фюрера, то можете не сомневаться, что вместе с распоряжением об отмене вызова в ставку обер-диверсант рейха тут же получил директиву фюрера: «Готовиться к рейду на Будапешт!»

Хорти вновь хотел демонстративно хохотнуть по этому поводу, но, взглянув на непривычно суровое, без каких-либо следов сарказма лицо графа фон Анташа, решил воздержаться. Вместо этого упавшим и явно дрогнувшим голосом произнес:

– В таком случае скажите, – если вы уж столь безоглядно ударились в пророчества, – как скоро может осуществиться этот рейд Скорцени?

– Это будет зависеть от того, какова ситуация на фронтах, и как скоро вы решитесь на открытые переговоры с Россией по поводу вашего выхода из войны. Обо всех ваших предыдущих весьма несмелых попытках он уже прекрасно осведомлен.

– В этом сомневаться не приходится. Он ясно дал это понять. Так каким временем я все еще могу располагать?

– Отведено вам не много.

– Да и Германии, судя по всему, тоже не намного больше, – огрызнулся Хорти.

– Что тоже очевидно. Судя по ситуации, особо затягивать с этим рейдом фюреру не стоит. Так что ждать у себя Скорцени вам следует в конце ноября, ну максимум в начале декабря.

– Что ж, придется нашей разведке внимательно следить за передвижениями Скорцени.

– А я бы посоветовал нашей разведке больше следить не за Скорцени, а за Ференцем Салаши. Вряд ли Гитлеру удастся найти в Венгрии деятеля, настроенного более прогермански и профашистски, нежели этот амбициозный лидер венгерских национал-социалистов. Тем более что и партия у него под рукой уже имеется, причем с весьма подходящим названием – «Скрещенные стрелы».

Хорти промолчал и вообще внешне никак не отреагировал на его слова.

«А сейчас он еще резко сменит тему, сделав вид, будто ни о чем важном доселе речь не шла, – подумал Анташ. – Что и будет верным признаком того, что адмирал полностью принимает мои предостережения».

Не успел он подумать это, как Хорти, как-то внутренне взбодрившись, вдруг сказал:

– А ведь мы в Баварии, граф. Душа ваша по этому поводу не трепещет?

– Это вы покорены Альпами, а не я.

– А правду ли утверждают, что вы породнены с вымирающей баварской королевской династией Виттельсбахов?²⁰

– Да, определенная породненность существует.

– Любопытно. И то, что совсем недавно группа баварских сепаратистов вела с вами предварительные переговоры о возможном – после окончательного разгрома Германии – возрождении независимого Баварского королевства во главе с представителем династии Виттельсбахов – тоже правда?..

– Как жаль, что активность вашей, господин регент, разведки не распространяется дальше вашего регентского двора.

– Мы не будем обсуждать проблемы нашей разведки. Срабатывает она по-разному, когда как. А вот что действительно странно, – что при столь разветвленно-королевской родословной, как ваша, вы до сих пор остаетесь без короны. Возможно, несуществующий баварский трон в вашем положении выглядит намного реальнее, нежели несуществующий трон венгерский?

– Относитесь, господин адмирал, к моим словам, как угодно, это ваше право. Но учтите, что опасаться вам все же надо не меня, а Салаши. Я слишком трезво и прагматично оцениваю и свои шансы, и политическую ситуацию.

– Да нет, Анташ, вы не так поняли меня, – признает Хорти, старческой походкой направляясь к машине. – В данном случае я исхожу из чисто дружеских побуждений. А вас, граф, очень часто подводит ваше стремление в любой ситуации просчитывать на три хода наперед. Свойство неплохое, но иногда нужно все же следовать порывам и девизу Бонапарта: «Главное ввязаться в драку!»

– Вот и передали бы правление мне, с провозглашением Венгрии королевством.

– Вы это серьезно, фон Анташ?

– Ввязываться так ввязываться, господа бонапартисты! А для несчастной растерзанной Венгрии такое решение могло бы стать спасительным.

– Вряд ли я или кто-либо иной в Венгрии решится на такой шаг.

– А напрасно. Притом что вряд ли у вас в запасе имеется какой-либо иной, более убедительный вариант.

– Вы слышали мое мнение. И не советую следовать традициям дворцовых переворотов.

– На переворот я никогда не пойду.

– Уже хотя бы потому, что не обладаете никакой реальной силой, никакой весомой поддержкой.

– Мне нетрудно признать правоту ваших слов, господин адмирал. Но вы сами понимаете, что сегодняшние враги Венгрии куда охотнее пойдут на переговоры с новоявленным венгерским королем, который не несет никакой личной ответственности за объявление войны Советскому Союзу, нежели с давним кровным врагом своим Миклошем Хорти. Пусть даже и с Хорти-младшим.

Уже взявшись за дверцу, Хорти со смертной тоской в глазах – словно в последний раз в жизни – оглянулся на белесые вершины Альп и сокрушительно покачал головой:

– Захват венгерского трона, граф фон Анташ, как раз и есть та безнадежная комбинация, за решение которой лучше всего приниматься, обладая вашей способностью просчитывать на три хода наперед. Так сказать, во спасение.

²⁰ Баварская королевская династия Виттельсбахов просуществовала с 1180 по 1918 год. Именно на ее возрождение и приход к власти в независимом Баварском королевстве рассчитывали баварские сепаратисты в промежутке между Первой и Второй мировыми войнами, а также в канун краха гитлеризма. Кстати, угольки этого сепаратизма можно отыскать в Мюнхене и в наши дни.

8

С той минуты, когда Отто Скорцени переступил порог кабинета Гиммлера, общая беседа их продлилась почти час. Но и после того, как рейхсфюрер отпустил Власова и Гелена, Скорцени было предложено задержаться.

– Кальтенбруннер уже здесь? – негромко спросил Гиммлер возникшего на пороге личного порученца, штандартенфюрера СС Брандта.

– Так точно. Обергруппенфюрер ждет.

Гиммлер болезненно поморщился, пытаясь вспомнить, о чем еще хотел спросить полковника-коротышку, но, так и не вспомнив, аристократическим движением руки позволил ему уйти, обронив:

– Приглашайте.

– Очевидно, вы решили, что ваше следующее задание будет связано с Россией? – поинтересовался Гиммлер у первого диверсанта империи, тем же величественно-ленивым движением руки отвечая на приветствие начальника полиции безопасности и службы безопасности Кальтенбруннера и сразу же указывая ему место напротив подхватившегося штурмбаннфюрера. – Что вас направят вместе с русским генералом в тыл красных?

– Посылать меня в Россию вместе с Власовым бессмысленно, господин рейхсфюрер. Его слишком хорошо знают в высших армейских кругах. Но когда ваш адъютант сообщил, что у вас находится Власов, я среди прочего предположил, что речь может идти о разгроме штаба одного из советских фронтов. Или о похищении одного из командующих.

– Кого, например? – заинтригованно поинтересовался Гиммлер. И Скорцени уже чуть было не пожалел, что подбросил ему идею о столь опасной аванюре. – Неужели Рокоссовского, пострадавшего в свое время от Сталина и, наверное, затаившего обиду?

– Скорее, Жукова.

– Жукова предпочтительнее, нежели Малиновского.

Оба рассмеялись: это напоминало некую словесную штабную игру на знание имен вражеских полководцев. Тем не менее Гиммлер тотчас же посмотрел на Кальтенбруннера, как бы молча, взглядом, советуясь с ним.

– Но если вдруг подобная идея действительно одолеет наши штабные умы?.. Вы, лично вы, Скорцени, согласились бы совершить нападение на штаб какого-либо из русских фронтов?

– Операция для группы германских камикадзе?

– Согласен, это был бы «полет без парашютов и с заправкой горючего в один конец». Но вспомним, сколько подобных «полетов» каждый день вынуждены совершать на всех фронтах наши войска, предпринимая сотни атак, контратак, наступлений и антипартизанских рейдов.

– Последовал бы приказ, господин рейхсфюрер. Добровольцы у нас найдутся. Вспомним, сколько их нашлось, когда понадобились пилоты-смертники для ракет Фау-2. Тогда в «Отряд военных космонавтов» мы набрали более двухсот человек, оставив без удовлетворения просьбы еще стольких же парней из СС.

Гиммлер никак не отреагировал на эти аргументы обер-диверсанта. Он вообще не нуждался в каких-либо доводах. Сейчас он весь был погружен в неожиданно нахлынувшие диверсионно-романтические мечтания.

– А что если действительно забросить группу командос и похитить или убить маршала Жукова?

«Чтобы никогда больше ты не подбрасывал рейхсфюреру подобные идеи! – словно заклинание внушал себе Скорцени. – Дьявол тебя расстреляй, если ты еще хоть однажды решишься предложить ему нечто подобное, смертоубийственное. Любой диверсионный бред он готов воспринять как тщательно разработанную операцию!» Однако вслух полувальяжно произнес:

– Если говорить честно, после операции по освобождению Муссолини меня больше занимает личность Сталина.

Гиммлер и Кальтенбруннер удивленно, нет, скорее всего, заинтригованно, переглянулись.

– Видите ли, Скорцени, – долго и старательно протирал стекла своих очков Генрих Гиммлер, – Россия – не Италия. При том способе жизни, который ведет «вождь всемирного пролетариата», и его режиме охраны... – он покачал головой.

– Согласен, в данном случае речь скорее должна идти о покушении, – согласился Скорцени, взглянув при этом на Кальтенбруннера. Но тот продолжал удивленно поглядывать то на него, то на Гиммлера, все еще не решаясь вклиниваться в не совсем понятный ему разговор. Ко всему, прочему он еще и плохо представлял свою роль в этой беседе.

– Значит, только о покушении? – не сумел рейхсфюрер скрыть своего разочарования. Сейчас он вновь начинал вести себя так, словно уже отдал приказ о нападении на Московский Кремль.

– Поскольку не думаю, чтобы похищение каким-то образом изменило ситуацию в России или на Восточном фронте, – неожиданно завершил свою мысль штурмбаннфюрер.

– В том-то и дело, – согласился Кальтенбруннер, решив, что и ему тоже пора вступить в разговор и высказаться. – Похищение Жукова, Василевского, да, по-моему, даже Сталина на данном этапе уже мало что изменило бы в положении на Восточном фронте. Может быть, только придало бы русским ярости, да отразилось бы на судьбе тех наших генералов, которые оказались в русском плену.

Гиммлер удивленно взглянул на шефа Главного управления имперской безопасности. От кого угодно он ожидал воспринять встревоженность за судьбу пленных германских генералов, но только не от него.

– Объясню, что ни у фюрера, ни у меня пока что не возникало желания затевать подобные операции, – мрачно объяснился Гиммлер. – Разве что вы, Кальтенбруннер, бог и покровитель всех наших диверсантов, действительно вынашиваете какие-то конкретные идеи. Но это тоже не большой грех.

– Подобная роль, скорее, для Шелленберга, – невозмутимо отреагировал обергруппенфюрер.

– Мы же с вами, – взглянул Гиммлер на стоящие на камине часы, – пока что должны быть озабочены тем, что происходит не в столице нашего закоренелого врага, а в столице самого преданного друга, в Будапеште.

Рейхсфюрер выдержал паузу, достаточную для того, чтобы взглянуть на Кальтенбруннера и Скорцени. Его интересовала реакция. Она была. Оба покровителя диверсантов переглянулись и молча уставились на Гиммлера. Они ждали. Разъяснений, вопросов, наконец, приказов.

– В Будапеште? – простодушно переспросил Кальтенбруннер. Он, как никто другой, не терпел излишней дипломатии и недомолвок. – Хорти что-то затевает?

– Притом давно, – отрубил Гиммлер, не вдаваясь ни в какие объяснения по этому поводу.

«Я еще вернусь в этот мир! Я еще пройду его от океана до океана!» – словно заклинание повторил Скорцени любившуюся ему фразу, смысл которой уже давно стал его кредо. – Будапешт так Будапешт. Я не собираюсь мучиться терзаниями по этому поводу. Даже если вместо Будапешта была бы названа Москва. Хотя Будапешт предпочтительнее».

– Господа, сегодня утром стало известно, что послезавтра состоится очередное совещание у фюрера.

– Зачастил он что-то, – проворчал Кальтенбруннер, давно утвердивший за собой право ворчать по поводу любых решений, в том числе и фюрера.

– Оно будет касаться положения дел в Будапеште. Не собираюсь упреждать и предрекать события. Но уверен: положение в Венгрии сейчас таково, что фюрер не решится обойтись без помощи службы безопасности.

– Не обойдется, – уверенно пробасил Кальтенбруннер. – Это невозможно.

– Кстати, вы должны знать, что фюрер остался крайне недовольным встречей с адмиралом Хорти, особенно тем, как вызывающе вел себя регент, уверовавший, что он волен выйти из союза с Германией, когда ему заблагорассудится, открывая путь русским войскам к сердцу Австрии.

– Возмутительно, – простудно прохрипел Кальтенбруннер.

– Вот почему высшему руководству рейха стало понятно, что ситуацию в Будапеште следует брать под свой контроль. Там должны быть другой правитель и другое правительство. При этом не обойтись без ваших командос, как любят величать своих парашютистов и диверсантов англичане.

– Мы готовы выполнить любой приказ, господин рейхсфюрер.

– До приказов пока что дело не дошло. Иное дело, что сегодня же вы получите извещение о вызове в ставку фюрера. Подготовьтесь к тому, что разговор пойдет о Венгрии. Сотрите пыль с венгерских досье, вспомните имена наших агентов и адреса явочных квартир. Соберите все, что касается адмирала Хорти, его сына, тоже Миклоша, или, как его еще называют, Николаса Хорти, и их ближайшего окружения. И еще, нарыйте все, что только возможно нарыть о нашем новом высокопоставленном друге – Ференце Салаши.

– Такой же негодяй, как и Хорти, – немедленно отрекомендовал его Кальтенбруннер. – Но есть одно достоинство: уже в течение многих лет мечтает стать венгерским дуче.

– Правильно замечено, Кальтенбруннер, – достоинство! В данном случае это его единственное, но крайне важное для нас достоинство. Так используем же его. Словом, я не хочу, чтобы вы предстали перед фюрером ничего не ведающими дилетантами.

– Благодарим, господин рейхсфюрер, – ответил Кальтенбруннер как старший по чину. – Мы будем готовы.

«Агентура, связи, явки...» – попытался развить его наставление Скорцени, но запнулся на банальнейшем вопросе: «Чьи связи?» Ведь не собираются же его посылать в Будапешт для того, чтобы он вылавливал пораженчески настроенных венгров, коммунистов и евреев.

Кстати, евреями там сейчас занимается команда оберштурмбаннфюрера Адольфа Эйхмана. Это по его части. Да и вообще, не хотелось бы поступать в распоряжение особого уполномоченного фюрера в Венгрии бригаденфюрера Эдмунда Везенмайера. Бригаденфюрер для того и послан в Будапешт, чтобы лишить Хорти приятной возможности последовать примеру короля Румынии, который не только почти без сопротивления капитулировал перед русскими, но и повернул оружие против своих недавних союзников.

«Неужели фюрер решится похищать Хорти небольшой группой диверсантов, не задействуя армейские части? – размышлял Скорцени. – Это будет непросто. Хорти – остающийся у власти, находящийся в своем дворце в королевской крепости, – это совсем не то, что арестованный Муссолини, пусть даже на вершине горы, в уединенном альпинистском отеле „Кампо Императоре“. Какие-то части в любом случае придется пускать в действие, в том числе артиллерийские и бронетанковые. Но при этом не доводить дело до германо-венгерской войны».

– Да, штурмбаннфюрер, в этот раз речь пойдет о Будапеште, – зачем-то повторился Гиммлер. – Я не зря только что встречался с генералом Власовым. Создавая Русскую освободительную армию, мы постепенно будем перекаладывать бремя Восточного фронта на согбенные в колхозных трудах и социалистическом соревновании плечи самих русских. Но только преданных нам русских.

– Вопрос, существуют ли таковые в природе? – проворчал Кальтенбруннер. Поворчать – по любому поводу и в любом кабинете, – такое право шеф Главного управления имперской безопасности добыл для себя давно.

– Беда в том, Кальтенбруннер, что в природе существуют сами русские как таковые. Поэтому давайте не будем предаваться философским изысканиям, – сухо вато молвил Гиммлер. – Ваша задача – помочь власовцам наладить собственную службу безопасности, создать лагеря подготовки диверсантов и разведчиков, сформировать части, подобные частям СС.

Гиммлер навел стекла своих очков на Кальтенбруннера.

– Нам неминуемо придется взять на себя часть их проблем, – согласно кивнул тот. – Однако прежде следует детально обсудить все с Власовым и уполномоченными им людьми, которые будут заниматься проблемой службы безопасности РОА.

– Об организации подобных встреч позаботятся в Генеральном штабе вооруженных сил, – поднялся Гиммлер, давая понять, что их короткая встреча завершена.

Кальтенбруннер вопросительно взглянул на Скорцени, но тот красноречиво пожал плечами, давая понять, что не знает, о ком конкретно из штабистов идет речь. К их счастью, рейхсфюрер успел перехватить взгляд обергруппенфюрера.

– Непосредственно этими вопросами будут заниматься, – заглянул рейхсфюрер в лежащий перед ним блокнот, – полковник фон Ренне и капитан Штрик-Штрикфельдт²¹.

– Скорцени свяжется с ними, господин рейхсфюрер, – поспешил заверить его Кальтенбруннер.

– Кстати, советую ознакомиться с подготовленным капитаном Штрик-Штрикфельдтом специальным докладом о психологии русского человека вообще и русского солдата в частности, который так и называется: «Русский человек». Брошюры с его текстом разосланы недавно почти во все сражающиеся на Восточном фронте дивизии вермахта и во все лагеря военнопленных.

– Непременно ознакомимся, – почти клятвенно пообещал Кальтенбруннер, заставив Скорцени ухмыльнуться: уж он-то знал, какого труда стоит Кальтенбруннеру заставить себя прочесть что-либо, кроме приказов.

– Свободны, господа.

²¹ Вильфрид Штрик-Штрикфельдт. Происходил из прибалтийских немцев. Учился в Санкт-Петербурге. В Первую мировую был офицером русской армии. Служил в Отделе разведки в СССР Генерального штаба вермахта. Наиболее активный советник и покровитель генерала Власова. Он же поначалу выступал и в роли его переводчика и порученца. В генеральном штабе сухопутных войск его ценили как одного из лучших специалистов по России.

9

Вернувшись к себе, в Главное управление имперской безопасности, Скорцени сразу же приказал адъютанту Родлю срочно доставить ему материалы о ситуации в Венгрии и об имеющейся в районе Будапешта агентуре СД. И ровно через час все это лежало у него на столе. Но прежде чем увлечься чтением «венгерской хроники», штурмбаннфюрер попросил снова извлечь из его собственного архива досье на генерала Власова.

Солидную папку, которую ему вручили через десять минут, начинали «облагораживать» своими донесениями еще агенты абвера. Однако с тех пор как в марте 1944 года диверсионный сектор военной секретной службы «абвер-2» отдела «абвер – заграница» перешел в непосредственное подчинение Скорцени, его диверсионному отделу управления зарубежной разведки СД Главного управления имперской безопасности, – папка стала одной из величайших ценностей его «домашнего» архива.

Теперь это «приданое» оказалось как нельзя кстати. Скорцени понимал: как бы долго он и его люди ни занимались итальянскими, югославскими, венгерскими «интересами рейха», все равно главные события должны будут развиваться на Восточном фронте. И все основные «диверсионные атаки» фюрер обязан будет сконцентрировать на этом направлении. Встреча у Гимmlера в присутствии генерала Власова еще раз утвердила его в этой мысли.

Скорцени бегло просмотрел агентурные донесения разведки о действиях, настроениях и связях генерала Власова еще в те времена, когда, защищая Москву, он командовал 20-й армией. Первый диверсант империи уже знал, что Сталин считал Власова одним из наиболее талантливых своих генералов и даже собирался назначить его командующим Сталинградским фронтом.

Этой информации Скорцени особенно долго не доверял, пока ее прямо или косвенно не подтвердили три пленных русских генерала. Да и донесения агентов, имеющиеся в этой папке, тоже каким-то образом подтверждали сию версию. Впрочем, теперь это уже не имело никакого значения: все равно ведь сталинградскую кампанию рейх сокрушительно проиграл. Сам же Власов вряд ли догадывается, что у Сталина были такие намерения. И что они были серьезными. Кстати, надо бы на эту тему поговорить с самим командующим РОА.

Поэтому более основательно штурмбаннфюрер задержал свой взгляд на донесении разведотдела 18-й армии вермахта. В нем сообщалось, что 12 июля в районе расположения немецких частей, у деревни Туховежи Оредежского района Ленинградской области, добровольно сдался в плен командующий 2-й ударной армией русских генерал-лейтенант Власов.

«С ним не было даже адъютанта? – обратил внимание Скорцени. – Только, как утверждают, личный повар? Ах, повар Мария... Мария Воронова. Ничего не скажешь, эскорт, достойный командующего ударной армией. Не много же нашлось в этой армии людей, готовых разделить взгляды своего командующего и пойти за ним в эти решающие часы».

Конечно же, сдача в плен была бы воспринята немецким командованием с куда большим доверием, если бы Власов привел с собой хотя бы нескольких офицеров штаба. Тогда, по крайней мере, можно было бы считать, что он действительно готовился к переходу на сторону вермахта, к совместной борьбе с большевизмом.

Но генерал этого не учел. Потому что на самом деле к переходу не готовился, а сдача в плен была продиктована обстоятельствами, безысходностью да серьезными опасениями за свою жизнь командующего, который должен был бы благородно воспользоваться личным оружием. А такое поведение еще никогда и никому не делало чести, ни одному генералу. Не зря же этим аргументом уже не раз пользовались противники создания РОА под командованием Власова. То есть они не возражали против создания самой РОА, сомнение вызывала репутация ее будущего командующего.

«Да, все верно, – согласился Скорцени, прочитав очередное донесение. – Он и не готовился переходить. Почти три недели бродил по лесам, а потом сдался офицеру разведки капитану фон Шверднеру, который к тому времени уже знал о блужданиях генерала Власова и шел по его следу. В любом случае, Власов не мог не сдаться. Вернись он к своим, Сталин бы его не пощадил».

Но и подозревать Власова в том, что он подослан Сталиным или что его появление в немецком тылу – начало сверхсекретной операции русской разведки (а такое предположение одним из агентов абвера уже высказывалось) – тоже не было никаких оснований. Уже первая его беседа с командующим 18-й армией генерал-полковником Линдеманом, откровения Власова по поводу военного положения Советского Союза, Красной армии, операций под Москвой и Киевом, убеждали: генерал давно созрел для плена. Этому способствовали его взгляды на ситуацию в большевистской империи, на коллективизацию, на кровавые чистки в армии.

Оказавшись в Виннице, в принадлежащем абверу особом лагере военнопленных, он сразу же обратился к командованию вермахта с предложением создать из военнопленных и бывших солдат и офицеров белой гвардии русскую армию, объявив всему миру, что цель ее – освобождение народов России от ига большевизма.

«Это мероприятие, – обратил внимание Скорцени на концовку обращения Власова, – легализует выступление против России и устранил мысль о предательстве, тяготящую всех военнопленных, а также людей, находящихся в оккупированных областях.

Мы считаем своим долгом перед фюрером, – „долгом перед фюрером“! – не мог не обратить внимания на эту формулировку Скорцени, – провозгласившим идею создания новой Европы, довести вышеизложенное до сведения верховного командования и тем самым внести свой вклад в дело осуществления упомянутой идеи. . . Для русских, которые хотят воевать против советской власти, нужно дать какое-то политическое обоснование их действий, чтобы они не казались изменниками Родины».

«А что, генерал прав, – согласился штурмбаннфюрер, дважды перечитав это место в послании. – В пропаганде среди пленных, в привлечении их к разведке и диверсионной работе мы многое теряем оттого, что не заботимся о „политическом обосновании“ их сотрудничества с рейхом. В этом убеждает весь опыт диверсионных курсов в замке Фриденталь».

Уже в августе сорок второго у Власова были все основания рассчитывать на успех своих замыслов. Хотя бы потому, что им серьезно заинтересовались в министерстве иностранных дел. Генерал убедился в этом, когда для беседы с ним в лагерь прибыл бывший советник германского посольства в Москве Густав Хильгер.

«Густав Хильгер, – взял себе на заметку Скорцени. – Вот кто первым поспешил на встречу с несостоявшимся большевистским Бонапартом. По своей ли воле? Наивно, штурмбаннфюрер. Такие визиты из сострадания не наносят. Из единомыслия – тем более. Исключая, конечно, самоубийц».

Как бы там ни было, – отрешился Скорцени от невыразительной личности бывшего советника посольства, – а воодушевленный этим неожиданным вниманием, а также благосклонным отношением к нему командования вермахта и разведки, Власов оставляет свою подпись на какой-то там листовке, призывающей красноармейцев, „весь советский народ подняться и свергнуть“ коммунистическое правительство и строить новую Россию».

Оказывается, среди штабистов вермахта еще не перевелись романтики, верящие – искренне, надо полагать, – верящие в то, что стоит сочинить некую писульку, как вся эта орда поднимется и свергнет... Святые люди!

А тем временем наш «генералиссимус» настолько воспрял духом, что решил просить немецкое командование о передаче в его распоряжение всех доселе сформированных в рейхе из военнопленных и добровольцев воинских подразделений. Во как!

По-видимому, генерал-дезертир все еще не понимает, что в осуществлении его идей заинтересована далеко не вся верхушка Германии, и прежде всего не заинтересован сам Гитлер. А, не осознав этого, Власов вряд ли сумел понять, почему, вместо того чтобы перевести в казарму или в ими же созданный штаб РОА, германцы вдруг переводят его в другой лагерь военнопленных. И единственным утешением для него может служить только то, что теперь лагерь расположен неподалеку от Берлина и ведает им пропагандистский центр вермахта, занимающийся наиболее благонадежными и перспективными из русских пленных.

Именно здесь к нему и был прикреплен постоянный представитель вермахта тот самый капитан-теоретик Штрик-Штрикфельдт. А что, судя по всему, толковый парень. Помог Власову создать «Русский комитет», написать обращение к командирам и бойцам Красной армии, и даже организовать специальные курсы по подготовке (из числа военнопленных) пропагандистов для работы в лагерях и добровольческих частях РОА.

«Штрик-Штрикфельдт», пометил в своем ежедневнике Скорцени. Личность этого вермахтовского капитана уже не могла не заинтересовать его. Особенно после настоящего совета Гимmlера прочесть его доклад. Такой служака вполне пригодился бы ему для работы на фриденальских курсах особого назначения.

Пробежав взглядом текст послания Власова, которое офицеры РОА передали в канцелярию Гитлера через гросс-адмирала Деница, Скорцени перевернул сразу целую кипу донесений и, немного полистав бумажки, наткнулся, наконец, на фамилию женщины, ради которой он, собственно, и затребовал «исповедальник» генерала Власова:

Это была Биленберг. Фрау Адель Биленберг, вдова эсэсовского офицера.

10

Прошло уже более десяти минут, как самолет приземлился в будапештском аэропорту и пилот заглушил двигатели, а Миклош Хорти все еще сидел в своем обособленном, «королевском» салоне, навалившись локтями на столик и подперев сдвоенными кулаками подбородок, – в позе человека, сумевшего отрешиться от мира чуточку раньше, чем мир – от него.

– Мы – в столице великой Венгерской империи, ваше величество, – полушутя-полусерьезно объявил граф Анташ, воспользовавшись тем, что личная охрана диктатора уже вышла из самолета и ждала его у трапа. Он иногда позволял себе подобные вольности, несмотря на то, что регент то ли старался не обращать на них внимания, то ли, наоборот, реагировал с холодным гневом.

– А ведь она могла быть великой, фон Анташ.

– В принципе да, – признал носитель крови трех королевских династий Европы. – Но что-то история не припоминает таких бесспорно великих дней в ее... истории.

– Может, мы ее попросту не сумели разглядеть?

– Такими днями могли бы стать первые дни этой войны, если бы вы решились сразу же мобилизовать военные ресурсы страны и двинуть войска на Югославию, мечами прокладывая себе дорогу к морю.

– Но мы приняли участие во вторжении в Югославию, – слабо защищался адмирал.

– ...Во вторжении германских войск в Югославию – вот в чем мы приняли участие, господин адмирал. И в этой войне нашим войскам отводилась роль вспомогательно-полицейских сил.

– Услышав эти упреки, – натужно поднимался со своего кресла регент Хорти, – политикан Салаши возрадовался бы. Если помните, его партия «Скрещенные стрелы» была запрещена за антиправительственную кампанию, направленную на... слишком сдержанное, скажем так, участие Венгрии в нынешней войне.

«Слишком сдержанное»?! – удивился про себя граф Анташ. – Да нилашисты²² на каждом углу кричали о том, что своей трусостью регент и подвластное ему правительство позорят венгров и оскорбляют воинственный дух их великих предков!».

– Я всего лишь попытался ответить на ваш очень непростой вопрос, господин адмирал.

– Как вы думаете, где сейчас находится Салаши?

– Пока он со своими нилашистами пребывал в подполье, мы практически знали обо всех местах его пребывания. Однако напомним, что недавно правительство Дёме Стояи легализовало их, – ответил личный секретарь, не скрывая при этом своего возмущения. – Так что теперь он – свободный человек.

– Тем более, мы должны теперь отслеживать каждый шаг этого «несостоявшегося собирателя венгерских земель». Причем учтите, граф, что в этом заключается не только моя личная безопасность, но и ваша.

– Об этом я никогда не забываю, господин регент. Вы хотели бы встретиться с ним?

– Если по правде, то я хотел бы забыть о его существовании. Навсегда... забыть.

– Как и все мы, кто идет за вами, господин регент.

Анташ вдруг явственно ощутил, что опасность действительно нависла не только над Хорти, но и над ним, а также над людьми, которые формируют сейчас его личное, Кароля Анташа, окружение, в надежде на лучшие политические времена. Да только похоже, что их не будет. Так не пора ли вспомнить о девизе древних германских предков: «Вперед за вожаком!»?

²² Термин «нилашисты» произошел от венгерского названия возглавляемой Ференцем Салаши националистической партии «Nyilaskeresztes part».

– В ближайшие дни представители германского командования начнут вести с ним переговоры. Мы постоянно должны быть в курсе: кто, где и о чем именно.

– А ведь в течение двух лет этот демагог находился в тюрьме. Было непростительной ошибкой освобождать его для триумфального шествия.

– Потому что мы с вами запрещали одну возглавляемую им партию – «Воля нации». Освободить же его пришлось уже как руководителя другой, мощной политической силы, созданной Кальманом Хубаем – «Скрещенные стрелы», но которая избрала этого армянина²³ своим лидером, несмотря на то, что он все еще пребывал в тюрьме²⁴. После освобождения, как вы знаете, он отправился в Берлин, где с ним основательно поработали в смысле идеологической подготовки. Так что теперь мы имеем не только «Скрещенные стрелы», но и родственную ей Венгерскую национал-социалистическую партию, созданную по примеру германской партии фюрера.

– В то время как правящая партия «Венгерская жизнь» во главе с графом Бетленом все теряет и теряет свои позиции.

Хорти не ответил, однако, встретившись с проницательным, острым взглядом рослого плечистого красавца Анташа, не отвел, как обычно взгляд, а задержал его.

– Это хорошо, что мы обменялись мнениями, граф, – молвил он, направляясь к выходу из самолета. – Сейчас очень важно, чтобы мы чувствовали плечо друг друга. Настало время объединиться во имя своего собственного спасения и спасения нации.

– Все, что в моих силах, господин регент...

Уже оказавшись в проеме двери, Миклош Хорти неожиданно оглянулся, чтобы признаться:

– Но когда вы заговорили со мной, граф, я думал не о Салаши и вообще не о политике.

– Я это почувствовал, поэтому попытался вернуть к суровой действительности.

– То, что тревожило эти минуты мою душу, могло оказаться еще более суровой... реальностью. Я, видите ли, был удивлен, что самолет благополучно приземлился.

– Вот как, существовали какие-то предпосылки? – занервничал граф Анташ. – Поступала информация?

Граф не мыслил себе ситуации, при которой регент мог бы получить какие-либо сведения в обход него. Он не только душевно, а почти физически страдал от осознания того, что хоть что-то сумело просочиться к регенту, не будучи им самим, Каролом Анташем, осмысленным и отфильтрованным.

– Вроде бы ничего подозрительного, – объяснял тем временем Хорти. – Но, садясь в этот самолет, я был почти уверен, что он то ли прямо в воздухе взорвется, то ли будет не понятно кем атакован, или же как-то сам по себе – ну, просто вот так, сам по себе, без какой-то видимой причины, – рухнет, не дотянув до посадочной полосы.

– Представляю себе, каким трудным выдался для вас этот полет, господин регент.

– Напротив, граф. Я смирился с этой неизбежностью и ждал ее, как высшего избавления. До конца дней своих буду вспоминать о нем, как о незавершенном полете в вечность.

²³ Настоящая фамилия Салаши была Салосьян, и он действительно был полуармянином.

²⁴ В 1937 году партия «Воля нации» или «Партия национальной воли» была запрещена, а сам Салаши в следующем году оказался за решеткой и лишь в 1940 году был амнистирован. К тому времени партия «Скрещенные стрелы» уже обладала 30 местами в парламенте, получив их на выборах 1939 года.

11

Да, сколь ни странным это могло бы показаться, но во всем увесистом, разбухшем деле русского генерала Власова обер-диверсанта заинтересовали прежде всего донесения, связанные с немкой, истинной арийкой, вдовой погибшего на фронте офицера СС Аделью (Хейди) Биленберг. Причем заинтересовали значительно больше, чем донесения, связанные с деятельностью капитана Штрик-Штрикфельдта.

Самым странным и почти неестественным в этой амурной истории оказалось то, что фрау Адель не была «подставлена» русскому генералу ни гестапо, ни абвером. Никому из тех людей, что работали с Власовым, рассчитывали и ставили на него, просто в голову не пришло подсунуть ему какую-то разбитную германку, которая решила бы и проблему организации его личной жизни, и проблему постоянного влияния на него. А среди прочего еще и подучила бы его языку.

В санатории для офицеров СС, которым заведовала вдова Биленберг, побывали тысячи красавцев из отборных частей. Однако своенравная баварка предпочла русского генерала. Причем самое удивительное, что инициатива этого сближения исходила от нее²⁵.

«А вообще-то вся эта любовная интрига чем-то напоминает историю знакомства папы римского Пия XII со своей медсестрой, – вдруг открыл для себя Скорцени, вспомнив подготовку к несостоявшейся операции по похищению папы и связанные с нею „тальянские изыскания”».

«Ну что ж, для вдовы фронтового офицера, а равно и для жены русского генерала выглядит она довольно сносно, – пробормотал штурмбаннфюрер, рассматривая фотографию худощавой белокурой женщины лет тридцати пяти. – Прямой нос, пухлые губы, голубоватые глаза...»

В конце концов генерал не так уж и стар, всего 43 года. И нет ничего удивительного в том, что он решил серьезно подумать о создании новой семьи, уже здесь, в Германии.

В этом действительно не было бы ничего такого, что могло бы заинтересовать службу безопасности, если бы не одно обстоятельство: брат белокурой Адели, офицер СС, являлся одним из приближенных людей Гимmlера. Не столько по службе, сколько лично приближенный. Что само по себе крайне любопытно. И кто после этого поверит, что появление на арене этой белокурой арийки не являлось разработкой людей из штаба Гимmlера?

Скорцени вновь просмотрел все три донесения, в которых агенты – с разных позиций, разными суждениями – отмечали одно и то же: близко знаком с Гимmlером! Если допустить, что это действительно так, то следует признать, что операция проведена блестяще.

Например, в последнем донесении, касающемся Власова, было сказано, что в разговорах с Аделью (со слов самой фрау Биленберг; уж потом-то за нее взялись всерьез) генерал настойчиво подчеркивает: если ему будет предоставлена бóльшая свобода действий и бóльшее пространство для инициативы, то вместе с людьми, которых сплотили идеи освободительного движения, он сможет организовать из военнопленных отличную армию, способную «оказать самую активную помощь Германии в войне с Россией».

Когда в кабинете Гимmlера Скорцени вспомнил об Адели, ему показалось, что история с ее братом – из какого-то другого досье. Но как только он убедился, что не ошибся, вся эта

²⁵ В реальности в отношениях между Аделью Биленберг, вдовой эсэсовского офицера, кое-что так и остается невыясненным. Известно, что инициатором знакомства действительно была сама Адель, но представлял их друг другу все тот же капитан Штрик-Штрикфельдт, справедливо полагавший, что женитьба на женщине, первый муж которой погиб на фронте, а брат являлся одним из людей, близких к Гимmlеру, – укрепит положение Власова в германском обществе, усилит доверие к нему со стороны германского командования.

история со сватовством Власова сразу же начала обретать давно знакомую, привычную по многим другим «делам» логику.

Тем более что пассажи о как можно большей свободе действий и боеспособной армии – не тема для бесед во время любовных утех. Власов явно прибегал к ним в расчете на то, что его настроения станут известными брату жены. А уж благодаря ему станут они известными и Гиммлеру. Возможно, через кого-то еще более близкого к рейхсфюреру.

К тому же связь со вдовой эсэсовского офицера должна была, по замыслу генерала, показать немцам, насколько он надежен, насколько прочны его связи с немцами, с рейхом.

«А что, недурно! – подытожил Скорцени. – Хотелось бы, правда, знать, как этот роман с эсэсовской вдовой был воспринят соратниками Власова. Ведь далеко не все из них в восторге от фашистов-эсэсовцев, хотя и бредят единой и неделимой Россией без большевиков».

Тем временем Адель вела свою «партию» без какого-либо понуждения со стороны, на свой страх и риск. Бывает же! Даже для капитана Штрик-Штрикфельдта, делившего с Власовым приятные дни санаторного блаженства, ее привязанность к русскому генералу оказалась полной неожиданностью. Мать Адели и та была сражена Власовым и сама настаивала на их браке. Что ж, теще всегда виднее.

– Родль, – обратился Скорцени к адъютанту, когда тот, заслышав звонок, появился в кабинете. – Вам известно что-либо о семейных делах нашего мятежного генерала?

– Если вы имеете в виду женитьбу, – почти мгновенно отреагировал Родль, – то от знакомого гестаповца мне стало известно, что она состоялась на прошлой неделе.

Несколько мгновений Скорцени молча смотрел на адъютанта, держа пальцами уголок странички досье. Той, последней, странички, на которой, вместо какой-то бессмыслицы, вроде того, что Власов встретился с бывшим белым генералом Шкуро, – нашли событие! – должна была красоваться запись о браке Власова и фрау Биленберг.

– Старее, Родль. Не сообщить о таком событии своему шефу! А затем не отправиться к генералу с букетом цветов от Скорцени! Немыслимые вещи! – саркастически улыбнулся штурмбаннфюрер. – Непозволительные вещи происходят в нашем с вами ведомстве.

– Но еще более невыносимо и непозволительно, что такое потрясающее событие не зафиксировано в «святом писании от генерала Власова», – довольно мрачно заметил Родль, прекрасно понимая подтекст этой лихой бравады первого диверсанта империи, – которое вы сейчас держите в руках.

– Преступная оплошность.

– Но позволю себе заметить, что составление полнокровного досье на каждого генерала-перебежчика в функции стареющего адъютанта не входит.

– И это еще одна невыносимость, Родль. Досье генерала Власова мы вообще не должны выпускать из своих рук.

– Столь высоки акции этого русского?

– Мы не должны выпускать его даже во сне, Родль, – не слушал его Скорцени. – Даже во сне!

– Так оно и будет на самом деле, господин штурмбаннфюрер.

– Нет, вы не поняли меня, Родль. Я сказал, что к этому досье следует прикрепить специального сотрудника СД; буквально приковать его к досье Власова кандалными цепями. А если вдруг понадобится срочно сжечь эту папку, то сжигать следует вместе с прикованным сотрудником.

– Иначе тот не простит нам пренебрежения к его услугам, – согласился Родль, умеющий поддерживать самые мрачные шутки своего «шефа от имперской безопасности».

12

Лунное сияние просачивалось даже через плотные занавеси, и заливало комнату голубоватой мерцающей дымкой. Хотелось войти в нее и брести, как по охваченному туманом утреннему лугу.

...Генералу Власову вспомнилось, как однажды в лесу под Мясным Бором они с поварихой Марией Вороновой наткнулись в тумане на немецкую разведку. После конфликта, возникшего в его бродившей по волховским лесам группе, одни офицеры демонстративно покинули своего командующего, заявив, что вместе, большой группой, им не пробиться; другие молча, незаметно исчезали в последующие дни. И вот уже неделю, как они с поварихой бродили только вдвоем.

Немцев было много, в полном молчании они обтекали их то слева, то справа, причем некоторые теньями мертвецов проплывали в густом тумане, буквально в нескольких шагах от жиденького кустарника, в котором они с Марией даже не притаились, а попросту замерли от страха.

– Что это было? – почти без слов, беззвучно шевеля омертвевшими от страха губами, спросила Мария, как только последний немец протрещал веткой по окраине их островка.

– Можешь считать, что привидение, – так же беззвучно прошептал Власов.

Они все еще сидели на корточках, и женщина заметила, что генерал по-прежнему держит пистолет где-то на уровне плеча, стволом к себе, как бы полуподнесенным к виску.

Чуть позже Мария даже с горечью упрекнула его: «Ну да, вы бы стрельнули в себя – и на небеса! А что было бы со мной? Обо мне вы, конечно, не подумали».

– Но у меня в стволе один-единственный патрон, последний.

– А мне больше и не надо, – наивно блеснула Мария антрацитовая чернотой своих глаз. – Только верно стреляйте, генерал, чтобы не мучиться.

– Одним патроном двоих, что ли? – устало привалился Власов к сросшимся стволам сосны. – Не получится, в стремени да на рыс-сях.

– Вы, главное, меня пристрелите, генерал, – покорно опустила женщина рядом с ним. – Над вами, таким известным командующим, немчура измываться не станет. Во всяком случае, не так будет измываться, как надо мной. Мне, вон, от своих отбиваться трудно было, даже притом, что все знали: «повариха эта – генералова». А что в плену будет?

Но это было потом, а пока что...

– Почему они так и не заметили нас? – поражалась их везению Мария. – Такого ведь не должно было случиться. Вам, генерал, не кажется, что в эти минуты мы стали невидимыми для них? Что существует сила, которая все еще хранит нас, как хранила до сих пор?

Хотя они уже множество раз делили общую солдатско-полевую постель, Мария по-прежнему обращалась к Андрею на «вы». Впрочем, в постели она тоже относилась к нему с той же уставной уважительностью, с какой поварихе надлежит относиться к генералу, и ни разу ни в чем – ни в слове, ни в настроении, ни в постельной покорности, – не решилась переступить ту грань, которая отделяла их в социально-армейской градации.

Единственное, что она позволяла себе наедине с ним, так это упускать обращение «товарищ», оставив только «генерал», да и то лишь потому, что Власов сам велел ей избавиться от этого слишком уж официального «товарищества».

– Случай, – проворчал теперь Власов, пытаясь объяснить Марии причину их невероятного спасения. – Фронтовое везение. Может, потому нам так и везет на этом болоте, что все те силы, ангельские и сатанинские, которые только способны были отречься от нас, давно отреклись и забыли. Словом, вся жизнь – в стремени, да на рыс-сях.

Он попробовал опустить руку с пистолетом, но ощутил, что она не разгибается, словно одеревенела. И теперь, спустя многие месяцы после того случая, Власову нет-нет да и являются эти возрождающиеся в тумане голоса; эти чавкающие солдатскими сапогами по болотным кочкам тени; и они с Марией – совершенно невидимые, словно бы растворившиеся посреди леса, в гуще целого сонмища врагов. Эдакое видение из полубреда-полуреальности...

Однако хватит воспоминаний. Жизнь давно вошла в новый виток, вводя его, командующего теперь уже Русской освободительной армией, в такие реалии германской действительности, которые там, в волховских болотах, а затем и в лагерях военнопленных не могли ему даже пригрезиться.

И одно из проявлений этой реальности – где-то там, за стеной, откуда доносятся шум воды и блаженное мурлыканье женщины, смывающей с себя всю греховность прожитого дня, чтобы, оказавшись в постели рядом с мужчиной, предаваться вместе с ним еще более изысканному греху. По-настоящему красивая, статная женщина, в душе и теле которой постоянно и неукротимо бунтовала страсть. Правда, это уже не Мария Воронова. И к тому же немка!

Какая чернокнижница, какая пророчица-ведунья способна была напроорочить ему, лучшему из красных генералов, защитнику Москвы, что еще во время войны женой его станет немка, да к тому же вдобавок еще и вдова погибшего на фронте эсэсовского офицера? Никакие силы – земные и небесные – додуматься до такого не могли. Что-то немыслимое должно быть произошло с течением его судьбы, какой-то непостижимый облом, – чтобы подобное могло стать реальностью.

...Да, к сожалению, это уже не его спасительница Мария, которую и там, на волховских болотах, и в лагерях военнопленных он благодарственно именовал и до конца дней своих будет именовать по-библейски просто – Спасительницей! Причем вкладывая в это понятие воистину христианский смысл.

Власов потянулся за лежащими рядом, на журнальном столике, сигаретами. Прикуривая, отметил, как презренно дрожат руки, словно не зажигалкой щелкал, а где-то там, в окруженных лесах, нажимал на курок, находя спасение в выстреле чести.

«Нервы, – сказал он себе – проклятые нервы!» Он мог бы еще и посетовать: «Война!», если бы не понимал, что нет ничего бессмысленнее для профессионального военного, нежели жаловаться на свою военную, солдатскую судьбу. Ибо вот уж поистине вся его, генерала, мирная жизнь – это всего лишь приготовление к той, главной, войне, к которой он и обязан всю свою жизнь тщательнейшим образом готовиться.

– Вы еще не заждались меня, мой генерал генералов? – ворвался в его раздумья голос Хейди.

– Я же знаю, что душ – предел твоего блаженства.

– Потерпите еще немного, – раздался ее звонкий, беззаботный смех. – Мне нужно предстать перед вами не только отмытой, но и безгрешной.

Сегодня вечером прямо здесь, в банкетном зале санатория, состоялась их помолвка. Те несколько генералов и офицеров, которые представляли штаб Русской освободительной армии, ее германских шефов и круг друзей Хейди, состоящий в основном из медиков-эсэсовцев, удивлялись: почему не свадьба? И вели себя, как на свадьбе. Впрочем, не все. Кое-кто из эсэсовцев поглядывал на него, презрительно поджимая губы и поигрывая желваками.

«Странная складывается у тебя судьба, – сказал себе Власов, когда весь этот скорбный цирк закончился. – Помолвка в сорок четвертом, посреди войны и посреди Германии. Когда ты уже не настоящий пленный, но еще и не настоящий командарм».

– Как вы там, мой генерал генералов, подождать несколько минут еще в состоянии? Это свое «мой генерал генералов» Хейди уже произносит по-русски, но все еще со своим неукротимосаксонским акцентом.

Но теперь он уже начинает понимать даже ее «саксонский». Хотя еще недавно, во время своего первого знакомства, его немецкий был чуть-чуть лучше ее русского. В большинстве же случаев они объяснялись на языке объятий и жестов. И все же, несмотря на мелкие неудобства и курьезы, это было прекрасное время.

...А тогда, осознав свое странное, озаренное чудом спасение, они с Марией набрали на какой-то хуторок о двух мазанках и трех сараях. Забаррикадировали дверь в одном из полуразрушенных домишек, занавесили подобранными на окраине русскими шинелями окна и, выставив на столе напротив окна найденный в овраге ручной пулемет с остатками ленты, безмятежно улеглись спать.

Голодные, обессиленные, разморенные развеявшей туман июльской жарой, они впервые за много дней разделись почти донага и, уверенные, что колья уж высшие силы спасли их утром, то ночью без своего покровительства не оставят, погрузились в объятия друг друга.

Несмотря на голод и лишения последних месяцев, тело Марии все еще сохраняло округлость своих форм и упругость мышц. Обмытое родниковой водой, оно источало лесной аромат, а дыхание оставалось ровным и чистым.

Жаль только, что рядом с этой женщиной он, ее командарм, ее повелитель, чувствовал себя хлипким и неухоженным. Истощенный, издерганный, он за всю ночь так и не смог овладеть этой женщиной, и до сих пор помнит, как после каждой неудачной попытки Мария протестительно успокаивала его: «Это война, милый. Это – всего лишь война!»

Но при этом не оставляла надежды возбудить его, прибегая к таким способам, что порой Андрея повергало в жар, и он смущенно отстранялся, стесняясь своей худобы, своего бессилия и фронтовой завшивленности. Как-никак, вот уже два месяца они бродили по лесам, от одной полусожженной деревни к другой, от одной случайной группы окруженцев к другой, еще более мелкой и отчаявшейся.

И лишь под утро между ними, наконец, произошло то, что должно было произойти между мужчиной и женщиной, которые, если и не любили друг друга, то, по крайней мере, давно свыклись с тем, что только друг для друга они и предназначены. Как она терзала тогда его тело! Как властвовала над ним! И тогда уже не он, а Мария оправдывалась: «Это война, милый, это – всего лишь проклятая война. Это она так истосковала нас обоих. И чует мое сердце, ни одной ночи судьбой нам больше не отведено. Эта – последняя. Но все еще наша!..»

13

Как только Родль вышел, Скорцени сразу же решил, что курортным романом прелестной Адели, уже видящей себя в роли жены нового правителя освобожденной России, он займется чуть позже. Самое время еще ближе познакомиться с этим самым Шкуро.

Белый генерал решил мириться с бывшим «краснопером»? На первый взгляд ничего странного: их вполне могла помирить ненависть к коммунистам, ибо ничто так не сближает, как общая ненависть. Для Скорцени не было тайной, что на этой почве уже произошло слияние «платформ» тех русских эмигрантов, кто в Гражданскую яростно отстаивал возрождение монархии, и тех, кто с не меньшей яростью выступал против нее, полагаясь на Временное правительство. Кто признавал только «единую и неделимую Россию», в составе которой права инородцев были бы сведены только к одному праву – жить в ее пределах; и кто выступал за их широкую автономизацию.

И потом не ясно было, является ли генерал-лейтенант Шкуро гонцом от вождя русского белоэмигрантского движения генерала Краснова, или же решил представлять свою собственную «вольницу», объединяющую автономистов Дона и Кубани?

Только теперь штурмбаннфюрер понял, что слишком легкомысленно отнесся к сообщению об этой встрече двух генералов. Об амурных делах Адели Биленберг ему в любом случае еще такого насообщают! А кто поведает, о чем совещались-плакались друг другу во френч эти несостоявшиеся правители России, ее недоученные степные бонапарты?!

О самом генерале Шкуро штурмбаннфюрер уже знал немало. Но из донесений, имеющих в «досье Власова», ничего нового о генерал-лейтенанте белой армии Шкуро выудить не удалось. Если только не принимать во внимание факты, подтверждающие, что этот вечно мятежный генерал очень близок теперь к бывшему атаману белоказаков Петру Краснову. Но кому в русских кругах это не ведомо?

А вот то, что после июльского покушения «валькирийцев» на Гитлера он стал активно обхаживать генерала фон Паннвица²⁶, командира казачьей дивизии, воюющей ныне в Югославии, – действительно заслуживает внимания. И еще в коротенькой справке к донесению указывалось, что после подавления путча «Валькирия» казачья дивизия под командованием Паннвица перешла в личное подчинение рейхсфюрера Гимmlера и переименована в «корпус СС».

Прочтя об этом, Скорцени, все еще мало сведущий в тонкостях бытия казачьих частей, снова насторожился: казачий корпус СС?! В этом есть что-то похожее на его, Скорцени, давнишнюю подброшенную Шелленбергу идею – предложить Гимmlеру сформировать дивизию СС из пленных красных комиссаров. Тех самых, которых согласно «Приказу о комиссарах» следовало расстреливать на месте.

Напрасно Шелленберг воспринял его предложение лишь как шутку. Одну из туземных частей СС действительно можно было сформировать из бывших комиссаров. Подумать только, какой пропагандистский резонанс это имело бы во всем мире!

Однако Власов встречался со Шкуро явно не по этому поводу. Не успела дивизия Паннвица перевоплотиться в эсэсовский корпус, как главный штаб войск СС решил создать свой особый, казачий, резерв, командовать которым было поручено все тому же генералу Шкуро, предусмотрительно успевшему сдружиться с фон Паннвицем.

²⁶ Гельмут фон Паннвиц (1898–1947), генерал-лейтенант войск СС, командир 15-го русского казачьего кавалерийского корпуса СС. В январе 1947 года по приговору Военной коллегией Верховного суда СССР повешен. В 2001 году в Москве, у храма Всех Святых, сооружен памятник воинам 15-го русского казачьего корпуса, но без указания того, что он являлся корпусом войск СС.

Возможно, Власов только потому и встречался со Шкуро, что знал: Паннвиц тоже находится в очень близких отношениях с Гиммлером. А ему так хотелось вырвать казаков из-под командования штаба войск СС и присоединить к своей Русской освободительной армии.

«Правда, в этом „сватовстве” добиться успеха будет куда труднее, чем в случае с фрау Аделью, – напроорочествовал генералу штурмбаннфюрер Скорцени. – Вот именно: чем с „СС-вдовой” Аделью... – задумчиво повторил он, еще раз отыскивая фотографию фрау Биленберг...»

– Здесь материалы о Хорти, – развеял его мечтательную улыбку Родль, положив на стол перед ним новую папку. – Извините за задержку. Только что доставили.

– Опять этот Хорти! Каждый раз, когда я пытаюсь полюбоваться прелестями «СС-вдовы», вы, Родль, немедленно подсовываете мне кого-то из провинциальных фюреров: не Муссолини, так Тиссо, не Антонеску, так Хорти.

– Служба, господин штурмбаннфюрер.

– Но к Власову... к Власову мы еще вернемся, Родль.

– Это уж неизбежно.

– Как неизбежен и наш рейд на Будапешт, – задумчиво молвил Скорцени.

14

В Берлин Ференц Салаши был вызван за трое суток до прибытия туда регента Хорти. Уже самым этим фактом он был польщен.

После того как правительство Дёме Стояи легализовало возглавляемую им партию «Скрещенные стрелы» (в простонародье ее еще сокращенно называли «Нилашпарт»), Салаши получил возможность вернуться из своего добровольного «германского изгнания». Но и после этого он предусмотрительно старался подолгу не задерживаться в Будапеште, предпочитая все больше времени проводить в древней столице венгров Эстергоме.

Однако и там он в конце концов не прижился. Возможно, потому и не прижился, что армянская община в Эстергоме была незначительной и довольно бедной, в то время как политические противники постоянно напоминали венграм, что настоящая фамилия человека, претендующего на звание фюрера венгров, – Салосьян. Да и кровь его предков – это всего лишь кровь невесты откуда прибывшихся на землю угров мелких армянских торговцев. И несмотря на то что отец Ференца был военным служащим австро-венгерской империи, да и сам он дослужился до майора Генштаба венгерской армии, враги его прямо заявляли: «Этому чужеземцу не пристало взывать к предкам угров со стен эстергомских башен!»

Словом, как бы там ни было, а в последнее время Салаши облюбовал для своей полуподпольной резиденции отдаленный от столичной суеты городок Шопрон, с трех сторон охваченный австрийской частью Великогерманского рейха. Причем значительная часть этой территории относилась к исторической области Бургенланд, которая после распада Австро-Венгерской империи по Трианонскому договору была отторгнута от Венгрии вместе с Трансильванией, Банатом, Бачкой и некоторыми другими землями.

На карте, которую изготовили специально для Салаши, все эти земли были «включены» в состав Венгрии, но именовалась теперь эта страна не Венгрией, а Венгерским Союзом Древних Земель²⁷.

«Глядя на эту карту, – говорил личный адъютант и начальник охраны Салаши майор в отставке Гёза Унгвари, – любой венгр прослезится, а истинный венгр, то есть венгр-патриот, еще и станет перед ней на колени».

Когда Салаши-Салосьян слышал в своем присутствии определение «истинный венгр», он, по армейскому обыкновению, нутужно багровел, воспринимая его, как явный или непроизвольный намек на свое «венгерское малокровие». Однако на сей раз его умиляло то, что, демонстрируя образец истинного патриотизма, Унгвари первым опустился на колени перед столом, на котором эта карта была расстелена, чтобы, поражая Салаши своими порывами, поцеловать ее и даже вполне естественно прослезиться.

– Так что, друзья мои неподсудные, – несколько необычно начал встречу с ними обергруппенфюрер СС Мюллер, – настал и ваш черед выйти на эту гладиаторскую арену. Застоялись вы, как рысаки в будапештских конюшнях.

Салаши и Унгвари молча, исподлбья, переглянулись. Лишь узнав о том, что Гитлер принял в своей альпийской ставке регента Хорти, обер-нилашисты поняли, для чего их, собственно, пригласили в Берлин, да к тому же за несколько дней до прибытия туда адмирала.

Для германцев важно было, чтобы Хорти знал о пребывании Салаши в Берлине и ежедневно ощущал, как в затылок ему дышит напористый и безжалостный соперник. Как поняли венгерские оппозиционеры и то, что дальнейшая их судьба будет зависеть от исхода перегово-

²⁷ Именно так – Венгерским Союзом Древних Земель и стала называться Венгрия после того, как в октябре 1944 года регент Хорти был отстранен от власти, а главой государства, фюрером венгерского народа и премьер-министром страны стал Ференц Салаши.

ров фюрера с регентом. Тем более что никто и не скрывал, что определенное время их действительно использовали втемную, как гладиаторов, на жизни которых поставили задолго до выхода на политую кровью арену.

Впрочем, все это уже позади. Теперь Салаши и Унгвари, который должен был со временем то ли возглавить личную охрану нового венгерского диктатора, то ли по примеру обердиверсанта рейха Скорцени налаживать его диверсионную службу, – уже знали, что «неискренность и продажность регента Хорти окончательно свела на нет все попытки фюрера заставить его оставаться верным своему союзническому долгу».

Получив эту информацию от опекавшего их офицера СД, Салаши понял: это его шанс! У фюрера не осталось времени для того, чтобы и дальше испытывать на верность продажного адмирала. Именно сейчас Гитлер должен решить для себя, что предпочтительнее: то ли расстаться с престарелым адмиралом Хорти, то ли навсегда потерять Венгрию, с ее военным потенциалом и с запасами нефти?

– Мы давно понимали, что регент не способен вести Венгрию к победе, – по-армейски четко ответил Салаши. – За нами же – сплоченная партия, и за нами – значительная часть венгерского народа. В то время как Хорти давно потерял всякую поддержку какой-либо политической силы, поддержку армии и полиции. Словом, регент теряет реальную власть над страной.

Умение отвечать коротко и по существу – то, что нравилось в нем фюреру, а особенно Мюллеру, который своей склонностью подавлять волю собеседников короткими неожиданными вопросами даже самые дружеские беседы умудрялся превращать в форменные допросы.

– Не согласен, друзья мои неподсудные, – неожиданно резко возразил Мюллер, выходя из-за стола и неторопливо, широкими шагами, словно крестьянин, меряющий свою нивку, прошелся по кабинету. – У Хорти все еще достаточно и политической власти, и военной силы.

В кабинете воцарилось неловкое, гнетущее молчание. Не обращая внимания на раздосадованных столь резким выпадом венгров, шеф гестапо продолжал вперевалячку «измерять свою ниву».

– Сейчас меня интересует не то, какие силы поддерживают Хорти, а какие вас. Меня интересует только одно: способны ли вы мобилизовать достаточное количество своих боевиков, чтобы в день Икс, в тот день, который будет вам указан отсюда, из Берлина, захватить все жизненно важные пункты столицы.

Прежде чем ответить, Салаши окинул оценивающим взглядом приземистую, плотно скроенную фигуру Мюллера. Квадратный череп, неширокий, но резко выступающий вперед морщинистый лоб, небольшие, обладающие каким-то особым, пронзительным взглядом, карие глаза, с немигающими, но в то же время нервно подергивающимися веками.

– Если я верно понял, вы хотите, чтобы мы совершили переворот?

– Вы же не станете утверждать, что в мировой истории – это величайшая редкость?

– То есть от нас требуется совершить обычный военный путч?

– А вы, друзья мои неподсудные, – откровенно бравировал своим резким баварским акцентом «гестаповский мюллер»²⁸, – решили, что мы будем устраивать всенародные выборы нового правителя Венгрии, чтобы проводить их под залпы русских катюш?

– Но ведь фюрер может отстранить Хорти от власти. Нужно, чтобы фюрер объявил о его отстранении или попросту вызвал сюда, в Берлин, и арестовал.

От Мюллера не скрылось, как, говоря все это, Салаши постыдно волновался.

– Это ж как вы себе представляете это «отстранение», друзья мои неподсудные? – вцепился своими короткими толстыми пальцами в спинку свободного кресла шеф гестапо. – Если

²⁸ Здесь игра слов. Шефа гестапо Генриха Мюллера часто называли гестаповским мюллером, что в переводе с германского означает «гестаповский мельник», имея в виду, что это человек, перемалывавший судьбы людей.

бы фюрер мог позволить себе арестовать Хорти, он арестовал бы его прямо в своей ставке еще вчера.

– Это сразу же развязало бы нам руки, – повел широкими борцовскими плечами Геза Унгвари.

Мюллер знал, что этот сорокалетний крепыш, прошедший подготовку в венгерской и германской диверсионных школах, буквально обожествлял обер-диверсанта рейха Отто Скорцени, тоже, по матери, венгра, и всячески старался подражать ему. Вот только дальше какого-то внешнего да мысленного подражания не продвинулся, поскольку ни одной мало-мальски сложной операции за ним пока что не числилось.

– Это развязало бы руки кое-кому из военных, поддерживающих премьера Стояи, – мрачновато скалил желтоватые, но все еще довольно крепкие зубы Мюллер, – который хоть завтра готов объявить о выходе Венгрии из войны и перемирии с русскими. И что потом прикажете делать Германии? Объявлять Венгрии войну, превращая последнего своего союзника в своего первейшего врага? Нет, друзья мои неподсудные, ваш, сугубо венгерский, нарыв следует взрывать изнутри, преподнося его и венгерскому народу, и всему миру как внутреннее дело самих венгров.

Этим «друзья мои неподсудные» Мюллер заразился лишь недавно, случайно услышав «приглянувшуюся» ему фразу от одного из берлинских адвокатов. Поначалу она попросту прилипла к нему, и Мюллер не придавал ей особого значения. Но вскоре понял, что, умело используя ее, можно психологически изводить своих собеседников. И теперь охотно изводил.

– Но такой переворот потребует очень серьезной подготовки и не может остаться незамеченным, – упавшим, преисполненным разочарования голосом объявил Салаши. – И если учесть, что служба безопасности, полиция и воинские части все еще подчинены регенту... Он может подавить наш путч.

– Может, конечно, – невозмутимо согласился Мюллер. – И даже обязательно должен подавить, иначе какой он правитель? Мы, вон, свой путч совершенно недавно подавили. Хотя во главе его стоял целый легион генералов и старших штабных офицеров. И даже было совершено покушение на фюрера. Но как только на заговорщиков напустили Скорцени с его горло-резами, заговор в течение каких-нибудь двух часов был потоплен в крови. Подавлен и потоплен.

– Ну, своего собственного Скорцени Венгрия пока что не взлелеяла, – самоуверенно проворчал Салаши. – Так что у Хорти взяться ему неоткуда.

– Возьмется, – опять невозмутимо осадил его Мюллер. – Мы сами направим его регенту.

Салаши и Геза Унгвари молча уставились на обер-гестаповца рейха, не понимая, к чему он клонит.

– Видите ли, друзья мои неподсудные, я не успел сказать вам главного: ваше дело – взять под контроль почту, вокзал и все такое прочее, а что касается штурма цитадели, в которой находится резиденция регента, то этим займется Отто Скорцени со своими коммандос.

Салаши и Унгвари облегченно вздохнули и сразу же оживились.

– Это совершенно меняет ситуацию, – уверенно молвил Салаши, откидываясь на спинку кресла. – В Венгрии уже находятся германские части, которые Скорцени может задействовать. Но важно и другое: когда наши военные узнают, что переворот затеян германцами, они не решатся выступить против нас.

– Во всяком случае, решатся далеко не все, – менее оптимистично заметил Унгвари. – Но даже те, кто решится, будут знать: при попытке подавить этот переворот они столкнутся с германскими войсками, и тогда воевать придется на два фронта: против русских и против германцев.

– Вы правильно мыслите, господин Унгвари, – похвалил его Мюллер. – Понятно, что Скорцени появится лишь незадолго до переворота, который скорее всего может произойти

осенью. Так что у вас, господин Салаши, есть время для того, чтобы собрать силы, подумать о составе нового правительства и смене армейского руководства.

– Но уже сейчас мы должны готовить общественное мнения к тому, что во главе правительства станет господин Салаши? – спросил Унгвари. – Я правильно понимаю замысел фюрера?

– Если у вас, друзья мои неподсудные, не обнаружится других кандидатур...

– Их нет.

– Я не случайно спросил о других кандидатурах, поскольку ваш избранник должен стать не только премьером венгерского правительства, но и фюрером венгерского народа. – Мюллер, задумчиво глядя себе под ноги, помолчал, вернулся на свое место за письменным столом и вдруг, впервые за все время их встречи просветлев лицом, озорно спросил: – А почему мы все решили, что другой кандидатуры быть не должно? Почему бы не подумать об известном нам Отто Скорцени, который по материнской линии, как известно, является венгром?

– Скорцени действительно не скрывает, что у него венгерские корни, – легкомысленно ударился в рассуждения по этому поводу Унгвари, совершенно забыв, что разговор происходит в присутствии Салаши, который и мысли не допускал о том, чтобы во главе Венгрии стал кто-либо иной, кроме него.

– Причем не обязательно рассматривать обер-диверсанта как претендента на кресло премьера, – подхватил его мысль шеф гестапо. – Скорцени вполне мог бы смириться с должностью фюрера как главы государства. Хотя... – побарабанил толстыми, как крупнокалиберные пулеметные патроны, пальцами обергруппенфюрер СС, – почему бы не взглянуть на судьбу венгерского правления шире и не начать зарождение новой венгерской королевской династии с обер-диверсанта рейха?

– Вы говорите об этом всерьез? – искренне удивился Салаши.

– В этом мире, друзья мои неподсудные, есть только один человек, которому позволено считать меня самым большим шутником рейха. Но этот человек – фюрер. Причем не Венгрии, а Германии.

– Но как вы себе это представляете с точки зрения монархических традиций?

– Плевать я хотел на ваши монархические традиции и «чистокровные» королевские династии, господин Салаши. Дайте мне досье на любого монарха, и я очень просто докажу вам, что предки его когда-то были простыми крестьянами или воинами-пастухами. Так что нам помещает короновать славного рыцаря Отто Скорцени, раз и навсегда закрыв полемику о целесообразности поста регента, равно как и о праве того или иного принца той или иной династии – на пустующий венгерский трон?

– Понимаю, что это всего лишь шутка, – неуверенно усмехнулся Салаши.

– Пока что – да, всего лишь шутка, – признал Мюллер. – Но лишь до тех пор, пока идея коронации не овладеет самим Скорцени. Потому что, если уж она овладеет «самым страшным человеком Европы», то всем нам, друзья мои неподсудные, уже будет не до шуток.

– Думаю, что до этого дело не дойдет, – явно занервничал Салаши. – Скорцени прекрасно понимает, что обладателем венгерского трона может стать только член одной из европейских королевских династий.

– Я уже сказал, что всякая монархическая династия когда-то да зарождалась, – проявил полное непонимание проблемы Мюллер, не упускавший возможности поиграть на нервах Салаши. – Так почему бы очередной, сугубо венгерской династии не положить свое начало с коронации Скорцени Великого или в крайнем случае Скорцени Первого?

Салаши и Унгвари беспомощно, в полном отчаянии, переглянулись.

– Ведь вынашивает же планы собственной коронации регент Миклош Хорти, – аргументированно добил их Мюллер.

– Это невозможно, – проворчал Салаши, окончательно мрачняя. – Оба варианта – с Хорти и со Скорцени – невозможны.

– Чувствую, мы увлеклись. Поэтому прекращаю дискуссию и уведомляю вас, друзья мои неподсудные, что связь со Скорцени и вообще с Берлином вы будете осуществлять через начальника службы безопасности района Балкан и Италии, штурмбаннфюрера СС Вильгельма Хёттля²⁹, одного из сподвижников Скорцени.

– Вильгельма Хёттля? – вопрошающе повторил Унгвари, выхватывая из бокового кармана небольшую записную книжку. – Я слышал об этом майоре СС.

– «Слышать» о таком человеке, друзья мои неподсудные – этого слишком мало. Какие-нибудь более конкретные факты имеются?

– Базируется он при штаб-квартире командующего германскими войсками в Венгрии и германского военного коменданта в Будапеште обергруппенфюрера СС Пфеффер-Вильденбруха.

– Это уже кое-что. Поддерживайте с ним связь.

– Сразу же после возвращения в Венгрию наладим контакты с майором СС Хёттлем, – заверил Салаши. – Со своей стороны мы назовем всю акцию по захвату Цитадели с резиденцией регента – «Операция „Цитадель“».

– Узнаю хватку опытного офицера Генштаба, – прощально произнес Мюллер. – В моих бумагах эта операция будет проходить под таким же кодовым названием³⁰. И мой вам совет, Салаши: когда вы придете к власти и вся Венгрия будет у ваших ног, не забывайте, что сами вы могущественны лишь до тех пор, пока пребываете у ног великого фюрера. И еще советую вам, друзья мои неподсудные, никогда не забывать о старом добряке Мюллере, которому вы тоже когда-нибудь можете пригодиться.

– Мы будем помнить об этом, – скромно потупил украшенную крупными залысинами голову сорокасемилетний вождь нилашистов.

²⁹ Исторический факт. В начале 1944 года в Будапеште действительно осел штурмбаннфюрер СС, начальник службы безопасности района Балкан и Италии Вильгельм Хёттль, который в свое время под командованием Скорцени принимал участие в осуществлении операции по освобождению Муссолини.

³⁰ В армейских документах эта операция фигурировала под кодовым названием «Бронированный кулак», а сам штурм будапештской Цитадели Скорцени называл операцией «Фаустпатрон».

15

Лишь на рассвете они открыли для себя, что на самом деле их хуторок был окраиной деревни, две улочки которой прятались за грядой лесных холмов, в неширокой луговой долине. Мария пожалела командарма, приказала: «Лежите, генерал, а я пойду, раздобуду чего-нибудь поесть», и в постиранной с вечера, но еще не просохшей гимнастерке отправилась в деревню.

Не было ее довольно долго, и Власов уже забеспокоился. Добрел до одного из холмов, залег там и... вновь уснул. Разбудила его Мария. Она бродила рядом, с небольшим сверточком в руке, и окликала его.

Он до сих пор уверен, что выдала их немцам та же старушенция, которая угостила Марию. Когда Воронова попросила ее дать что-нибудь с собой, потому что в лесу ее ждет товарищ, она возмутилась и заявила, что больше у нее ничего нет. Вот тогда-то Мария и поразила ее воображение, сказав, что там ждет не просто... а генерал. Самый главный из всех, которые сражались в этих краях.

Старуха поначалу не поверила, но когда Мария перекрестилась и сказала: «Если хочешь, вечером в гости зайдем, сама увидишь...» – расщедрилась еще на кусок пожелтевшего сала и две полуусохшие луковицы. По тем временам – истинно генеральский завтрак. Вот только не успели беженцы-окруженцы расправиться с ним, как раздался треск моторов и неподалеку, на проселке, появились три мотоцикла. Два из них развернулись так, чтобы можно было прошить избу из пулеметов, третий стал медленно приближаться.

– Всем выйти из дома! – по-русски крикнул офицер, сидевший в его коляске. – Считаю до десяти, затем открываем огонь!

Однако досчитать до десяти ему не пришлось.

– Не стреляйте! – восстал перед ним окруженец с пропитанной болотным духом и дымом костров шинелью на руке. – Я – генерал Власов!

– Ну наконец-то, генерал! – бесстрашно вышел из коляски переводчик и, решительно отбросив покосившуюся плетенку-калитку, направился к нему. – Сколько можно кормить комаров?! Третьи сутки колесим по округе, разыскивая вас. – По-русски он говорил с характерным акцентом, который сразу же выдавал в нем прибалтийского немца.

– Оставайся в доме, – вполголоса успел проговорить Власов, услышав за спиной дыхание Марии.

– Только вместе с вами.

– Не будь душой, быстро сними гимнастерку. Они примут тебя за хозяйку и при мне не тронут.

– А дальше? Что потом? Нет уж, только с вами.

– Но со мной – лишь до первого лагеря. Неужели не понятно, в стремени, да на рыс-сях?!

– Пусть только до ворот, – обреченно уткнулась лицом в его спину. – Зато с тобой, – впервые решилась перейти на «ты».

– Ну, как знаешь...

Немецкий офицер учтиво сидел в десяти шагах от них, не мешая их выяснению. Он уже заметил женщину, о существовании которой знал еще до появления здесь, однако лишних вопросов не задавал.

...Душ за стеной утих, и Власов мысленно представил себе, как, мурлыча под нос какую-то песенку, Хейди (как называли Адель ее близкие и как стал называть ее сам Власов) священнодействует над своим телом, пользуясь при этом огромным полотенцем. Стройная, с девичьей фигурой и никогда не развеивающейся свежестью упругого тела, она способна была завлечь кого угодно. Так что можно лишь поражаться тому, что эта саксонка избрала именно его,

мятежного генерала, бывшего лагерника, чья судьба так же непредсказуема, и даже пока еще не загадана на небесах, как и судьба Иисуса после второго, еще не состоявшегося, пришествия.

Однако выходить из-под душевых струй Хейди не торопилась, и Власов решил, что у него есть пара минут, чтобы вернуться в те далекие волховские леса...

– Уверены, что искали именно меня, господин лейтенант, генерала Власова? – шагнул тогда Андрей навстречу офицеру-переводчику и какому-то капитану вермахта, вышедшему из коляски второго мотоцикла.

– Так точно. По личному приказу командующего 18-й армией генерал-полковника Линденманна, – небрежно отдал честь переводчик и тут же представился: – Лейтенант Клаус Пельхау³¹. А это – капитан из разведотдела корпуса фон Шверднер, – указал на высокого, чуть пониже Власова, статного офицера с двумя железными крестами на груди.

– Значит, вы и есть тот самый генерал-лейтенант Власов, я правильно понял? – покачался на носках до блеска надраенных сапог фон Шверднер. И Власов без переводчика уловил смысл сказанного.

– Да, это я.

– Командующий противостоящей нам второй ударной армии? – теперь уже переводил лейтенант.

– Из некогда противостоявшей. Вообще-то я был заместителем командующего фронтом, но в сложившейся фронтовой ситуации вынужден был принять командование второй ударной армией.

Однако капитана-разведчика интересовали не тонкости их диалога и не точность в выражениях.

– То есть вы готовы документально удостоверить свою личность?

– Сразу чувствуется, что перед тобой – разведчик, – едва заметно, судорожно улыбнулся Власов, ощущая в этой улыбке нечто угодническое.

Власов достал из нагрудного кармана удостоверение заместителя командующего Волховским фронтом, на котором рукой штабиста было еще и начертано «командующий 2-й ударной армией». Капитан долго рассматривал его, затем удивленно ткнул пальцем и показал Власову.

– Чья это подпись, господин генерал?

– Сталина.

– Совершенно верно, Сталина, – самодовольно подтвердил капитан. – Я запомнил ее по копиям некоторых секретных документов. Обязательно сохраните это удостоверение.

– Для чего? – удивленно уставился на капитана Власов.

– Чтобы рядышком появилась подпись фюрера, – рассмеялся тот.

– Вы думаете, что?..

– Возможно, кому-то из наших генералов удастся уговорить фюрера поставить и свою подпись, и тогда вы станете обладателем уникального документа. А пока что – прошу, – неохотно вернул удостоверение командарму. – Храните. И, пожалуйста, в коляску мотоцикла. В трех километрах отсюда вас ждет штабная машина.

– Именно меня?

– Всех остальных генералов и полковников мы уже выловили, – самодовольно объяснил капитан. – Одних отправили в лагеря, других пристрелили. Некоторые предпочли застрелиться, но таких оказалось немного. Кстати, замечу, что тех, кто пытался скрываться в селах, ваши люди выдавали сразу же, как только они появлялись на окраине какого-либо села³².

³¹ Здесь названы реальные имена немецких офицеров, засвидетельствованные немецкими архивными данными. Пленение генерала А. Власова производили сотрудник разведотдела 38-го корпуса капитан фон Шверднер и переводчик из штаба корпуса лейтенант Клаус фон Пельхау.

³² Из документальных источников известно, что население большинства сел в районе действия 2-й ударной армии действительно добровольно выдавало окруженцев немцам. Во многих селах еще до прихода немцев местные жители создавали

– Это уже не «наши», это «ваши» люди.

– Согласен, теперь уже «наши», – с вызовом согласился капитан, и по лицу его конвульсивно пробежала ухмылка.

Власов затравленно взглянул на лейтенанта, инстинктивно почувствовав, что тот настроен более благодушно.

– И давно вы узнали, что я нахожусь в этом районе? – спросил он, садясь в коляску и краем глаза наблюдая, как капитан и переводчик с любопытством рассматривают подошедшую к ограде Марию Воронову. Его вопрос был всего лишь попыткой отвлечь внимание немцев от этой женщины.

– Так это и есть ваша фрау? – спросил капитан вместо ответа. Причем по-русски.

– Да, она со мной. И я очень просил бы...

– Понятно, ваша личная охрана, – скабрёзно ухмыльнулся капитан фон Шверднер.

– Эта военнотружущая была штабной поварихой, – объяснил Власов, понимая, что выдавать ее за хозяйку уже не имеет смысла, наверняка германская разведка уже знала, что он блуждает вместе с женщиной.

– Для всех остальных – повариха, а для командующего... Как это у них называется? – обратился за помощью к переводчику.

– Походно-полевая жена. На солдатском жаргоне это называется Пэпэжэ, – подсказал тот.

– Правильно он говорит, господин генерал?

– Я просил бы не трогать фрау Воронову и проследить за ее судьбой.

– Все ясно, господин генерал, – сказал лейтенант. – Мы могли бы даже оставить ее. Но как только новая местная администрация выяснит, кто она – ее тотчас же повесят. Эй, возьмите эту русскую с собой! – крикнул он остававшимся на проселке двум мотоциклистам сопровождения. – И не вздумайте трогать ее: жена русского генерала!

– Жена генерала? – словно мартовский кот, изогнул спину старший из мотоциклистов. – Это заманчиво!

– Э-эй, ефрейтор, вы лично отвечаете за ее неприкосновенность!

– Это будет непросто, господин капитан.

– Не будь вы разведчиком, я бы уже наказал вас, ефрейтор.

Когда в центре соседней деревни, у полуразрушенной церквушки, Власова пересаживали в «Опель», мотоциклисты, которые должны были доставить Марию, еще не появились. Спросить же, куда они девались, Власов не решился. Да и не до нее было тогда плененному генералу.

– Почему этот русский не обезоружен? – недовольно поинтересовался майор-тыловик, сидевший в машине рядом с водителем.

– Мы оставили бывшему командующему 2-й армией генералу Власову его личное оружие.

– О, так это и есть тот самый генерал Власов?! – взбодрился майор. – В таком случае немедленно в штаб! – рявкнул он водителю. – Вы, капитан, – в машину. Вы, переводчик, – в мотоцикле сопровождения.

Больше в тот день Марию он не видел. Под вечер, уловив момент, когда генерал-полковник Линденманн перешел в соседнюю комнату, чтобы поговорить с Берлином, откуда должны были – очевидно, после совещания с Кейтелем или кем-то там еще, – распорядиться относительно его дальнейшей судьбы, Власов спросил переводчика, куда они девали женщину, оказавшуюся вместе с ним.

– Понятия не имею, – беззаботно повел тот плечами.

– Так узнайте, черт бы вас побрал! – неожиданно сорвался Власов, вызвав немалое удивление немецкого офицера. – Вы ведь можете разыскать того капитана, которому я сдался в плен. Уж он-то должен знать, что с ней произошло.

– Не думаю, чтобы он слишком уж заботился о ее судьбе, – ухмыльнулся лейтенант.

– Кто же тогда? В лагерь-то ее не отправят?..

– Поскольку она сдалась вместе с вами, к ней должны будут отнестись как к военнопленной. Однако для пленных женщин наши лагеря не предназначены. Иное дело – лагеря врагов рейха. Но это уже иные условия. Совершенно иные... условия, господин генерал.

– И вырвать ее оттуда?.. – начал было Власов, но лейтенант бесцеремонно прервал его.

– Советовал бы заняться собственной судьбой, господин генерал. Конечно, далеко не каждого генерала жалуют у нас здесь так, как это делает Линденманн. Но у Линденманна вы всего лишь гость.

– И все же узнайте, лейтенант.

– Попытаюсь, – ответил переводчик таким тоном, что Власов ни на мгновение не усомнился: «Ни черта он не попытается. Ему это на фиг не нужно». И был удивлен, увидев буквально в последний момент, когда его уже сажали в машину, чтобы доставить в лагерь военнопленных, – что лейтенант-переводчик опять появился.

– Мне удалось кое-что узнать о судьбе фрау Вороновой, господин генерал.

– Ну и что? – сухо спросил Власов, возвращая себе генеральскую властность. Он уже вел себя так, как вел бы себя с нерадивым лейтенантом своей собственной армии. – Где она теперь?

– С фрау Вороновой долго беседовали в разведотделе армии генерала фон Линденманна.

– Выведывали секреты русской кухни?.. – проворчал командарм.

– И секреты кухни – тоже, – ничуть не смутился лейтенант. – А затем решили направить ее вначале в лагерь германской разведки, чтобы затем, если только она приглянется инструкторам, определить в разведшколу.

– Ну, уж эта обязательно приглянется, – едко заметил Власов. – С такой бабой вся жизнь – в стремени, да на рыс-сях.

– Я не в том смысле, господин генерал, – впервые почувствовал себя неловко переводчик.

– Так ведь и я тоже «не в том».

– Вы как-то странно относитесь к этой женщине, – с укором молвил лейтенант. – А ведь она была предана вам и, насколько я понимаю, спасала вам жизнь.

Сказав это, лейтенант напрягся. Как-никак перед ним был генерал-лейтенант, командарм, пусть и враждебной армии, и даже плененный. Однако реакция Власова была совершенно неожиданной. Выслушав переводчика, он вдруг виновато, почти затравленно произнес:

– А что, собственно, вас смутило, господин лейтенант. Я ведь ничего такого...

– Возможно, со временем вам удастся вернуть ее себе, – примирительно молвил Клаус Пельхау. – Теперь все будет зависеть от того, какие условия германского командования вы примете.

– Этого следовало ожидать, – скрестил пальцы худых морщинистых рук генерал, и, выдержав небольшую паузу, приглушил голос и с надеждой спросил.

– Чего именно? Что меня начнут «покупать», угрожая санкциями против Вороновой?

– Извините, господин генерал, но порой вы начинаете вести себя так, словно у вас появился выбор. А ведь ничего иного, кроме верного служения рейху, судьба вам уже не оставила. Если вы отказываетесь служить фюреру, вас ждет расстрел или лагерь, из которого вам тоже не выбраться. Правда, есть еще один путь, который, говорят, предложил начальник гестапо и большой шутник Мюллер, – выдать вас красным, энкаведешникам. Но тогда уж вам никто не позавидует.

Власов ответил не сразу, но пауза понадобилась ему только для того, чтобы справиться с подступающей к горлу яростью.

– Ладно, лейтенант, – наконец, смиренно произнес он. – Не будем об этом. Однако вопрос: может, вам уже известно, какими окажутся условия, которые мне предложат?

– Лично мне ничего не известно. Хотя нетрудно предположить, что вам предложат перейти на службу фюреру.

– В качестве кого?

– В качестве какого-нибудь сельского старосты или бургомистра небольшого городка. Шучу, конечно. Думаю, что в качестве командующего русскими войсками.

– Предполагаете, что германцы, то есть я хотел сказать, ваше командование готово создать русские части?

– Они уже создаются, но пока что находятся под командованием германских офицеров. Так что советую смириться с таким обменом: фрау Воронову – в разведшколу, вас – в штаб русских частей вермахта. Возражений не будет?

Немного помолчав, генерал гортанно рассмеялся:

– Нашли кем торговаться со мной! Штабной поварихой!

16

Гиммлер в своих прогнозах не ошибся. В тот же день Родль доложил Скорцени, что поступила радиограмма из «Вольфшанце», от шеф-адъютанта Гитлера. В ней содержался приказ штурмбаннфюреру явиться в ставку. Незамедлительно.

– Я уже договорился о самолете, – упредил Родль первый и самый важный вопрос Скорцени. – Вылет в четырнадцать ноль-ноль. Машина будет к двенадцати.

– Этим же самолетом в полевую ставку вылетает и Кальтенбруннер?

– О вылете обергруппенфюрера мне пока что ничего не известно.

– А группа нашего романтика войны Вилли Штубера вызвана? – поинтересовался штурмбаннфюрер, не задав больше адъютанту ни одного уточняющего вопроса. В конце концов Родлю не впервые заниматься его срочными отъездами. А что касается самого вызова в «Вольфшанце», то он просто не мог знать более того, что успел сообщить.

– Так точно. В составе шести человек. В том числе один русский.

– Лейтенант Беркут? – оживился Скорцени. – Хотя нет, такого не может быть. Где сейчас этот русский и как его, дьявол меня расстреляй, зовут?

– Не Беркут. Во всяком случае, Штубер представил его как-то по-иному. Впрочем, фамилии все равно не помню. Кажется, из этих, из белогвардейцев. В чине поручика.

– Тогда это не Беркут. Тем более если он белогвардеец.

– Русские уже и сами запутались, кого и кем считать: красные, белые, власовцы, «добровольные помощники вермахта», гетманцы³³, оуновцы...

– Боже вас упаси, Родль, гетманцев и оуновцев, в военной спешке и всуе, назвать русскими. Этого достаточно, чтобы вы перессорили нас с целым станом еще одних союзников, пусть и очень ненадежных. Кстати, интересно было бы знать, чем все-таки завершилась диверсионно-тыловая дуэль между Беркутом и Штубером.

Родль смотрел на него, демонстрируя абсолютное непонимание того, о чем идет речь. Однако Скорцени и не пытался просвещать его.

Когда с немой сценой было покончено, адъютант продолжил свой доклад:

– Вместе с бароном фон Штубером прибыли также фельдфебель Зебольд... Вы, конечно же, помните его...

– Все еще фельдфебель? – жестко улыбнулся Скорцени. – Ах, этот вечный фельдфебель Зебольд!

– ...Ефрейтор Ганс Крюгер, Лансберг... И еще кто-то, – поморщил лоб адъютант. – Да, вспомнил: фамилия этого русского, который «не Беркут» – Розданов. Бывший белогвардейский поручик. Еще Штубер сказал, что он отлично владеет английским. Потому и прихватил его с собой.

– Английским? Это важно. Штубер, правда, несколько опережает события. Но поручик этот, со своим англо-русским, еще может пригодиться. А пока пусть всей группой поступают в распоряжение Ланцирга. И проходят тренировки вместе с курсантами особых курсов Фриденвальдской школы.

– И еще... гауптштурмфюрер Штубер просил принять его.

– Просил принять? Это естественно. Однако я могу доставить ему такое удовольствие лишь после возвращения из «Вольфшанце».

³³ Имеются в виду украинцы, которые являлись последователями экс-гетмана Украины Павла Скоропадского (1873–1945), правившего в Украине в апреле – декабре 1918 года. В годы Второй мировой экс-гетман, потомок украинского казачьего гетмана Ивана Скоропадского (1646–1722), союзника Петра Великого в Полтавской битве, находился в Германии, где возглавлял «гетманское движение» за возрождение Гетманской Украины. Оуновцами называли членов Организации украинских националистов, возглавляемых Степаном Бандерой и Андреем Мельником. СД безуспешно пыталось примирить эти два течения.

- Уверен, что барон обязан понять вас.
- Вот именно, Родль: обязан!

Как только адъютант вышел, Скорцени вновь принялся просматривать составленное специально для него «уточненное» досье, в котором было собрано все то самое важное, что касалось регента Миклоша Хорти, его сына Николаса (Миклоша), которого 76-летний регент почти официально объявил своим преемником; а также коменданта Будапешта генерала Бакаи и командира лейб-гвардии, начальника охраны Хорти генерала Лазара... Связи, привычки, взаимоотношения, попытки установить контакты с англичанами, американцами и... югославскими партизанами.

«Что?! – споткнулся Скорцени на сообщении о том, как Николаус пытается наладить связи со штабом партизанской армии Тито. – А зачем, собственно, ему понадобились югославские партизаны? Нет, он что, рассчитывает на помощь Тито? – рассмеялся Скорцени. – На то, что, изгнав германцев из Белграда, коммунистический вождь Югославии затем поможет венграм изгнать их из Будапешта? Наивно».

Скорцени подошел к окну, за которым вырисовывалась стена дождя. Холодного и почти потопного. Как метеорологам удалось выяснить, что через час в этой стене прорисуется вполне пригодная для полетов погода, – этого он понять не мог. Однако уже сейчас Отто сказал себе, что заставит пилота взлетать, даже если все синоптики рейха покончат при этом жизнь самоубийством. Или же пристрелит его прямо на взлетной полосе, вместе с военным синоптиком.

Скорцени вдруг вспомнилось смертельно бледное лицо пилота того самолетика, который должен был увезти Муссолини – одного только Муссолини – с вершины горы Гран-Сассо. Там вообще не было пространства для разбега, и по всей аэродинамической науке самолетик этот действительно мог взять на борт только одного пассажира. Но когда рядом с Муссолини втиснулся еще и верзила Скорцени, с набитым письмами чемоданом дуче в руках, пилот вообще оказался на грани инфаркта. А ведь стоило тогда обер-диверсанту рейха ткнуть ему в затылок дуло пистолета, сразу же – и пилот решился, и самолетик благополучно взлетел. Хотя казалось бы...

«...Впрочем, не так уж и наивно, – вернулся Скорцени к деяниям Николауса Хорти. – Ставка делается на то, что, пользуясь ослаблением германской армии, югославы освободятся без помощи англичан и тем более русских. И тогда, получив у себя на юго-западе довольно сильного славянского союзника, можно будет потребовать вывода германских войск из Венгрии.

А что, вполне достойный, а по историческим меркам, даже красивый выход из игры, не дожидаясь появления под стенами столицы русских. Слегка видоизмененный финский вариант. И следует заметить: финнам он удался. Почти удался, – уточнил про себя Скорцени, не исключая того, что следующий вызов в „Вольфшанце“ может быть связан уже с „прогулкой“ в Хельсинки. – Ну что ж, Николай Хорти, придется помочь тебе пообщаться с партизанами. И не только с югославскими».

– Родль, – вызвал он адъютанта, вернувшись к своему месту за столом. – Немедленно выясните: Гольвег вошел в состав группы Штубера?

– Так точно. Сам видел его, когда вся группа явилась сюда.

– А ведь он, кажется, неплохо владеет хорватским?

– Сербским, – уточнил адъютант. – Возможно, и хорватским тоже. Только чуть похуже. А по-сербски изъясняется совершенно свободно. Какое-то время служил в Сербии, затем в Хорватии.

– Мы были там вместе, Родль. Я лишь хотел выяснить, каким именно языком он способен изъясняться. Утверждаете, что сербским?

– Добавлю, что лишь недавно он побывал в Польше. В разведывательно-диверсионной школе.

– Польша не в счет, адъютант. Польша – это уже в прошлом. А вот его сербский и хорватский – это нас устраивает, поскольку в армии Тито хватает и сербов, и хорватов. Срочно вызовите его сюда. Вместе со Штубером. Да, не забудьте прихватить и того русского...

– Поручика Розданова. Но вы не успеете побеседовать с ними, штурмбаннфюрер. Сейчас они находятся в казармах охранного батальона «Гроссдойчланд», откуда, – Родль взглянул на часы, – через тридцать минут их должны отправить в Заксенхаузен, в замок Фриденталь. Даже если мы сумеем перехватить их, у нас окажется слишком мало времени. Если только вы не намерены задерживать свой вылет в ставку фюрера.

– Жаль, – ударил кулаком в раскрытую ладонь Скорцени.

Родль понял его: у шефа возник план операции. Ему хотелось как можно скорее обсудить его. Полет в Восточную Пруссию заставит Скорцени потерпеть и помучиться. Как только у штурмбаннфюрера появляется план очередной операции, он словно бы превращается в азартного игрока, стремящегося поскорее сделать ставку, рискнуть.

Правда, в отличие от многих азартных игроков, с которыми сводила Родля судьба, штурмбаннфюрер умел сохранять удивительное хладнокровие. Даже в случае поражения. Умению проигрывать – вот чему всем им стоит поучиться у первого диверсанта рейха!

– Задержите этих троих в Берлине до моего приезда. Всю группу задержите, до моего возвращения, Родль. И немедленно свяжитесь со штабом батальона. Не теряйте времени, адъютант, не теряйте!

Родль вышел, а Скорцени еще несколько минут внимательно изучал скупые донесения агентов о попытках Николауса Хорти выйти на штаб Иосифа Тито. Штурмбаннфюрер не сомневался в том, что Николас делает это по заданию отца. Ничего себе «верный союзник рейха»!

Уж не собирается ли регент повторить благородный жест Уинстона Черчилля, который, решив окончательно склонить на свою сторону красного маршала Тито и иметь при этом самые достоверные сведения о ситуации в его штабе, послал туда, во фронтовой ад, своего сына³⁴? Где тот чуть было не погиб при выходе из окружения. Говорят, маршал Тито был тронут. Ну-ну...

Шум дождя за окном внезапно стих. Не поверив этой слуховой галлюцинации, штурмбаннфюрер приподнялся с кресла и, по-гусиному вывернув шею, уставился в окно: невероятно, но дождь, который еще пару минут тому хлестал по окнам так, словно пытался поглотить все здание РСХА своим вселенским потоком, теперь вдруг почти затих.

Чтобы убедиться в этом, Скорцени по-мальчишески уткнулся носом в холодное влажное стекло.

«И опять синоптикам повезло, – вспомнил Скорцени о своем желании пристрелить первого попавшегося ему под руку „погодочета“ прямо на взлетной полосе аэродрома. – Кстати, не мешало бы поинтересоваться у Мюллера, оказывался ли в последнее время в подвалах гестапо хотя бы один горе-синоптик? Хотелось бы ему знать, в чем его костоправы „гестаповского Мюллера“ обвиняли и на связи с какими поднебесными силами намекали. Просто из любопытства».

³⁴ Исторический факт. В 1943 году сын английского премьера Уинстона Черчилля Рандольф был десантирован вместе с опытным разведчиком и дипломатом Фицроем Макклином (прототипом популярного киношного разведчика Джеймса Бонда) в одно из горных ущелий Боснии, где в то время располагался штаб маршала Тито.

17

К действительности его вернула влажная ладонь, которой Хейди слегка прикоснулась к щеке. Власов вздрогнул, приоткрыл глаза и, прежде чем успел сообразить, что над ним склонилась женщина, рванулся рукой к подушке, под которой по старой армейской привычке лежал пистолет.

– Хотели тут же, прямо в постели, пристрелить, мой генерал генералов? – склонилась над ним Хейди. – Обычно подобное желание возникает у мужчины не ранее шести месяцев после свадьбы.

– Всего лишь нервы.

– Понимаю, утомила вас ожиданием, мой генерал генералов, – с наигранной нежностью заключила немка. – И не вздумайте креститься: я не привидение, а всего лишь ваша невеста.

– Это война, Хейди.

– Странно. Я-то думала, что это всего лишь брачная ночь. Но если в постели вы чувствуете себя, как на передовой...

– С вами – да.

– Звучит, как похвала, – задорно рассмеялась вдова боевого эсэсовского офицера. – Вот только война здесь, наверное, ни при чем.

– Война всегда «при чем», – вздохнул бывший командарм 2-й ударной. – Вся жизнь – в стремени, да на рыс-сях.

В те несколько минут, которые он предался забытию, чуткий, нервный сон опять унес его туда, в леса, под Волхов, и ему вновь пришлось отбивать атаку десанта, выброшенного немцами на просеку, буквально в двухстах метрах от штаба армии. Это был один из его последних боев, во время которого Власов успел передать по радиации в штаб фронта радиogramму, состоящую всего из одной фразы: «Бой идет за штаб армии. Власов»³⁵.

Тогда генерал почти не сомневался, что эта радиogramма станет последней, под которой значится его имя, и, взяв автомат, занял позицию в обводном окопчике, у самого входа в штабной блиндаж, между раненым и убитым рядовыми. И, кажется, вовремя: не появившись он еще три-четыре минуты, двое скошенных им десантников наверняка ворвались бы в окоп. И как потом, блуждая болотными волховскими лесами, командарм молился, чтобы эта радиogramма дошла до командующего фронтом, а еще лучше – до самого Сталина. Чтобы она не затерялась в ворохе штабных бумаг, среди сотен других радиogramм.

Пусть сам он, как и весь его штаб, весь командный состав армии, обречен, лишь бы уцелела эта его весточка из ада, единственное его оправдание перед командованием фронта, перед Верховным Главнокомандующим, перед самой историей. Если бы Власову тогда предложили: спасти ему жизнь или спасти радиogramму, он отдал бы предпочтение радиogramме.

Генерал боялся признаться себе в этом, но и сейчас он все еще готов молиться на эту радиogramму. Он прекрасно понимал, что войну Германия уже, собственно, проиграла, по крайней мере на русском фронте. И теперь только эта радиogramма, да еще люди, которым выпало ознакомиться с ее текстом, были последними правдивыми свидетелями той истинной трагедии его армии, которая разыгралась в лесных болотах под Волховом. Пусть даже окажется, что в течение многих лет свидетели эти окажутся предательски «молчаливыми». Но ведь когда-то же эта правда все равно должна была проявиться.

³⁵ Радиogramма подобного содержания действительно была отправлена Власовым в штаб фронта. Она сохранилась, с ней был ознакомлен маршал Жуков, и правдивость ее была со временем подтверждена оставшимися в живых штабными офицерами 2-й ударной. Однако само наличие текста этой радиogramмы сначала советские военные архивисты, а затем и историки тщательно замалчивали, поскольку она полностью разрушала идеологическую ложь о том, что якобы предатель Власов сдал германцам свою армию. В том-то и дело, что сдавать ему было уже нечего. (Примеч. авт.)

Эта фронтовая правда могла быть подтверждена и последним более или менее простран- ным радиодонесением в штаб Волховского фронта, подписанным им и членом Военного совета армии бригадным комиссаром Зуевым. Текст его Власов хранил до последней возможности, даже уже пребывая в плену, и помнил его наизусть. По существу, это было извещение о гибели 2-й ударной армии, ее «похоронка», датированная 21 июня 1942 года:

«Докладываем: войска 2-й ударной армии три недели получают по 50 граммов сухарей. Последние три дня продовольствия совершенно не было. Доедаем последних лошадей. Люди до крайности истощены. Наблюдается групповая смертность от голода. Боеприпасов нет. Име- ется до 1500 раненых и больных. Резервов нет. Военный совет просит немедленно принять меры к прорыву с востока до реки Полисть и подаче продовольствия».

А за несколько дней до составления этой «похоронки» Власов сам направил радио- донесение, которым уведомлял штаб фронта, что «боевой состав армии резко уменьшился. Пополнять его за счет тылов и спецчастей больше нельзя. Все, что было, уже взято. На 16 июня 1942 года в батальонах, бригадах и стрелковых полках дивизий осталось в среднем по несколько десятков человек. Все попытки восточной группы пробить проход в коридоре с запада успеха не имели. Причина – сильный огонь противника и необеспеченность войск боеприпасами, незначительных остатков которых едва хватает отбить ежедневные атаки про- тивника с фронта обороны.

Количество раненых, находящихся в чрезвычайно тяжелых условиях, достигает 9 тысяч человек».

Это верно, что, оказавшись в германском плену, он согласился возглавить Русское осво- бодительное движение. Однако, правда и то, что армии своей под Волховом он противнику не сдавал. Для него, профессионального военного, это имело принципиальное значение.

«...Господи, о чем только не думает солдат в то время, когда над ним уже колдует ого- ленная женщина!» – покаянно взмолился Власов, безвольно наблюдая, как, почти не касаясь его руками, Хейди стаскивает с него остатки одежды, оголяя от природы могучую, но все еще довольно костлявую фигуру.

Этой своей худощавости Андрей стеснялся всегда, даже когда жена Чан Кайши³⁶, потря- сенная его могучим ростом и славянской мощью, набрасывалась на него со святым благогове- нием.

Предаваясь с ним самым изысканным ласкам; все, что только позволено в постели, – храбро позволяя ему, и все «непозволительное в любви» – позволяя самой себе, эта жгучая и неутомимая китаянка избавляла стыдливого советского мужичка от всякого чувства стыда и стеснительности.

Это она, поражая воображение «не владевшего изысками чуждого, буржуазного секса» советского человека, приучала полковника Власова к «сугубо азиатским», как ему тогда каза- лось, любовным ласкам, и к сугубо азиатскому проявлению «мужского самодостоинства», очень смахивающего на деспотизм.

Прежде чем припасть маленькими розовыми лепестками своих изящных губок к самому священному, что сотворено в мужчине природой, «некоронованная императрица Китая», как называла ее антикоммунистическая пресса, опускалась перед Власовым на колени и с молит- венной искренностью рабыни и непогрешимостью наложницы произносила: «Я не достойна вас, мой повелитель».

³⁶ В 1938–1939 годах полковник А. Власов пребывал в Китае, где сначала возглавлял штаб главного советника Чан Кайши, советского генерала Черепанова, затем и сам был советником китайского генерала Янь Шишаня, кстати, одного из политиче- ских соперников Чан Кайши. А когда Черепанова отозвали в Москву, именно Власов, под псевдонимом Волков, стал военным советником Чан Кайши. Тогда же в него влюбилась жена Чан Кайши, которая была дочерью Сунь Ятсена. Когда Власова отзы- вали в Москву, Чан Кайши наградил его Золотым Орденом Дракона, а жена-любовница наградила его золотыми наручными часами, которые уже на советской границе чекистами были официально изъяты у Власова вместе с Золотым Орденом Дракона.

Когда нечто подобное исходит из уст Первой Дамы величайшей страны мира; из уст правительницы, способной одним движением брови отдать тебя придворному палачу Поднебесной, а любая из шпионивших за ней служанок могла выдать тебя всемогущему царствующему супругу, – такое постельное раболепие, конечно же, впечатляет. Причем впечатляет до сих пор, ибо ни одна из самых распутных женщин, которых Власову удавалось познавать потом в России, не смогла одарить его и сотой частью того «сексуального растления», которое так мастерски дарила ему дочь и супруга двух китайских прокоммунистических вождей.

У русских баб это неизменно превращалось в пропитанное водкой постельное бешенство, и в сальный пот. Кое-как «отдавать себя» мужчине они еще научились, однако ни одна из них не могла сравниться с леди Чан Кайши в способности чисто и возвышенно одаривать собой мужчину.

Как же Власов тосковал потом по своей императрице, по своей постельной богине! Как неумно бредил ее ласками даже тогда, когда пресыщался постельными уладами с женой или с любовницей.

Однако все это было потом. А тогда, в Китае, каждая встреча с «императрицей» проходила в страхе быть разоблаченным и тут же казненным. Или, в крайнем случае, быть позорно изгнанным из страны, а значит, обреченным на казнь в советских застенках.

Каким чудом ему удалось уцелеть, почему он не пал жертвой ревности «лучшего из лучших полководцев Поднебесной» Чан Кайши, ревности его жены или одного из китайских генералов, который из-за него, Власова, лишился доступа к телу «императрицы», – этого командарм понять так и не смог.

Причем самое поразительно заключалось в том, что «великий вождь и учитель китайского народа» Чан Кайши прекрасно знал о романе своей супруги с «красным полковником Волковым», однако это никогда никоим образом не отразилось на его отношении к своему военному советнику. В данном случае китайского полководца великодушно интересовал военный талант «красного полковника», а не его развлечения с леди Чан Кайши.

18

... Что же касается германки Хейди, то, внешне всегда предельно сдержанная, она никогда не набрасывалась на Андрея и никогда не лебезила перед ним. Очевидно, эта ее аристократическая холодность и сдерживала мужчин, которых в возглавляемом ею санатории в общем-то всегда было в избытке.

Точно так же повела себя «холодная арийка» и в их брачную ночь. Оголив своего мужчину, она на какое-то время замерла, сидя в постели и опираясь руками по обе стороны от бедер. Сейчас она напоминала мастера-творца, который после долгих и тяжелых трудов своих вдруг словно бы опомнился и решил повнимательнее присмотреться к тому, что, собственно, он сотворил.

– Я хочу, чтобы, падая в мои объятия, – едва слышно, причем по-русски, проговорила женщина, – вы проникались не только нежностью, но и мужеством. Да-да, мой генерал-генералов, мужеством воина и мудростью правителя.

В ту ночь Власов так и не понял истинного смысла этих ее слов; тогда он так и не смог понять, почему, приступая к любовным ласкам в теплой санаторной постели, эта арийка начала призывать его не к супружеской любви и верности, а к мужеству воина и мудрости правителя.

И лишь значительно позже командарм понял, что к тому времени Хейди уже не только увидела в нем потенциального вождя русского освободительного движения, но и будущего правителя России, основателя новой монархической династии. Что она не принадлежала к тем женщинам, мечтания которых ограничивались гнездовыми иллюзиями идеальной семьи. Она действительно увлеклась этим русским генералом и готова была посвятить ему остаток своей жизни, но только с одним условием: что совместный путь их станет путем к российскому трону.

С такими женщинами Власову встречаться еще не приходилось. Леди Чан Кайши уже была «императрицей» и ни к восхождению своего супруга, ни к восхождению «красного полковника Волкова» никакого отношения не имела. К тому же правительницей она представляла только на фоне правящего профиля своего супруга, а в постели становилась скованной цепями сексуального рабства пленницей. Все остальные женщины или откровенно пугались его генеральских чинов и чувствовали себя «недостойными избранницами», или же старались немедленно унижить его самого до «подкаблучника в лампадах».

– Я хочу, чтобы вы не просто были одним из генералов. У вас особая судьба, мой генерал Власов, – это судьба властелина огромной державы. Многие германские генералы видят вас лишь в шинели полководца, я же сумела увидеть вас властителем трона.

С коротко стриженных волос Хейди все еще спадали огромные капли влаги, однако оба они старались не обращать на них внимания. В эти мгновения арийка напоминала некую древнегерманскую жрицу, которая, входя в шаманский транс, вводила в него и пленника, коего решено было принести в жертву богу Одину.

Склонившись над Андреем, женщина, по-лебединому изгибаясь, медленно проплыла над ним, едва прикасаясь грудью к его груди. Врываясь своей аурой в ауру мужчины, германка мысленно и эфирно замыкала их биополя и все то невидимое, но сугубо человеческое, во что она, поклонница тибетской медицины и прочих восточных поверий, безуспешно пыталась посвятить своего «генерала генералов» еще задолго до этой судной ночи.

Хейди все носилась и носилась над ним, словно коршун над слишком большой, непосильной для него добычей, настраиваясь на то, чтобы в конце концов вцепиться в нее когтями и растерзать. И так продолжалось долго, невыносимо долго, пока Андрей не ожил, пока он не рассвирепел и не взорвался. Вот тогда то соблазнительница и пала ему в объятия, словно в лаву вулкана.

Тоненькая, хрупкая, коротко, под мальчишку, стриженная, Хейди почти в мгновение ока была поглощена мужчиной, как удавом. Покорная и безропотная, погребенная под метром девяносто с чем-то там мужского роста, германка самозабвенно предалась тому, что ее русский увалень умел делать непостижимо долго и неумоимо, с тем садистским самоотречением, на какое способны, очевидно, лишь такие вот могучие славяне.

– Вы растерзаете меня, Андре! Вы же меня растерзаете! – наконец взмолилась Хейди, поняв, что по каким-то непонятным ей, как медику, законам природы, «все это» у ее «генерала генералов» может продолжаться, если не до бесконечности, то уж до рассвета – точно.

– Именно этого я и жажду, – почти прорычал ее Андре. – А то все в стремени, да на рыс-сях.

– Это хорошо, что в вас наконец-то просыпается жажда власти, – возбужденно шептала Хейди. – Однако я хочу, чтобы власть над женщиной стала всего лишь стимулом борьбы за ту, истинную, власть правителя, которая вам предначертана.

До этой ночи Хейди уже не раз поражалась угнетенности духа своего избранника, отсутствием в нем полководческих амбиций и бонапартистского авантюризма. До поры она, как врач, списывала все эти настроения Власова то на пораженческие настроения полководца, оставшегося без армии и без родины; то на постлагерный синдром военнопленного и ностальгическое невосприятие реалий чужеземцем-перебежчиком...

– Стоит ли говорить об этом в постели, да еще и в порыве страсти? – попробовал усовестить ее командарм.

– Именно в постели об этом и следует говорить, мой генерал генералов. Неужели вам не известно, что большинство великих судеб полководцев и правителей зарождалось в союзе с женщинами. Но сами эти союзы зарождались не на полях сражений и не за трибунами парламентов, а... в постелях!

Хейди и в самом деле прекрасно знала, на что следует списывать такое вот заторможенное состояние своего генерала генералов; но так же твердо знала и то, что «списать» на что-то слабости своего мужчины еще не значит простить ему эти слабости. Она бережно хранила подписанное генералом Власовым «Открытое письмо», обращенное к советским военным служащим и всему русскому народу, в котором тот писал: «Мы не хотим коммунизма, но мы не хотим быть и немецкой колонией. Россия должна занять достойное место в новой Европе». И не скрывала, что хранит его для «Музея русского полководца-освободителя Власова». И даже присмотрела замок на границе со Швейцарией, где этот музей можно было бы основать.

Ну а то, что в «Открытом письме» улавливался откровенный выпад против Германии, Хейди не смущало. Уже не смущало.

«Эсэс-вдова» прекрасно понимала, что речь идет о новой, послевоенной Европе, о Европе, которой предстояло, по всей вероятности, жить без Гитлера и без Сталина. К тому же она уже чувствовала себя правительницей России, пусть даже и с германскими корнями. Разве мало подобных, иностранных по крови, правительниц знала история и России, и Германии?!

Говоря своему пролетарскому генералу «неужели вам неизвестно», аристократка Хейди, конечно же, лукавила. Теперь для нее уже не было тайной, что все образование генерала генералов определялось расхожим среди белоэмигрантов термином «недоученный семинарист». Но ведь таким же недоученным семинаристом был и нынешний русский правитель – Сталин. Так что по российским понятиям такое образование диктаторов уже можно воспринимать как национальную традицию.

В ее представлении Власов, ясное дело, оставался ужасающе необразованным. Однако незнание военной истории не помешало Власову командовать целыми армиями, которым противостояли первоклассно образованные и вышколенные прусские генералы и фельдмаршалы.

– Кажется, вы начали сдавать позиции, мой генерал генералов, – на ушко проворковала ему Хейди.

– Признаю: начал сдавать...

– А вот торопиться с подобными признаниями не следует, – поучительно молвила Хейди, шаловливо проводя пальчиком по широким, мясистым губам своего Андре. – В таких случаях лучше перейти на заранее подготовленные позиции. Просто вы вдруг вспомнили, что кроме этой впереди у нас еще как минимум одна точно такая же бурная ночь, для которой нужно бы беречь силы.

– Какая еще ночь? – вновь попытался неистовствовать Андрей, неожиданно уверовав, что война и в самом деле никакого отношения к их любовному безумству не имеет. И что ему всего лишь сорок три – возраст расцвета. И что, вопреки всем смертям, что витали над ним где-то там, в Крыму, а затем в Таврийских степях, где он дважды чуть было не попался в руки махновцам; а затем под Львовом, Киевом, Москвой, Волховом...

Да, несмотря ни на что, он каким-то чудом уцелел, хотя тысячи других мужчин погибли или же оказались в тылу, но искалеченными. Он уцелел, судьба занесла его в центр Европы, чтобы здесь подарить одну из самых прекрасных женщин, которых только способна взлелеять столь скупая – как он успел заметить – на женскую красоту германская земля.

– Какая ночь? – удивленно переспросила Хейди. – Брачная, Андре, брачная...

– А сегодня у нас с тобой что?

– Всего лишь ночь после помолвки.

– Да? – словно бы опомнился одичавший от страсти славянин. – Что ж ты меня сразу не предупредила? – Он произносил это шутя, но, к своему удивлению, Хейди вдруг почувствовала, как Андре сразу же обмяк и осторожно, словно опасаясь раздавить ее, улегся рядышком – не обессиленный и все еще страстный, но уже смирившийся с тем, с чем она лично смириться была еще не намерена.

– Ты что же это... больше не желаешь меня, Андре? – кокетливо спросила германка, томно демонстрируя свою готовность подняться и отправиться в ванную.

– Что за странная традиция такая – помолвка? – словно бы не слыша ее, ворчал «генерал генералов». – Уж мы-то могли бы обойтись и без этого бессмысленного ритуала. Тоже мне: по-молв-ка!

– По-моему, мы и так уже давно и вполне успешно обходимся без нее. Разве я что-то напутала?

– Мне тоже так кажется.

– Но как быть с ближайшими родственниками, мамой, всем древним родом Биленбергов, ведущим свое начало от рыцаря-тевтонца, достославного Артура Биленберга, павшего в бою под Грюнвальдом? А ведь традиции в этом роду берегутся свято и неприкосновенно.

– Вот почему далеко не все в нем счастливы, – осознавая, что твоим мужем может стать русский.

– Не русский, мой генерал генералов, не русский... Не в том дело, что русский. На это теперь уже никто не обращает внимания. Даже у нас, в консервативной Германии.

– На что же обращают?

– На то, что вы – будущий правитель России. Даже в моем весьма далеком от политики роду прекрасно помнят, что ваш русский фюрер Ленин начинал готовить свой революционный поход на Россию здесь, в Германии. На деньги нашей разведки, на которые, собственно, и был однажды доставлен в Россию. И что императрица Екатерина II тоже была германкой, женой русского царевича.

– Ого, вы так далеко продвинулись в этом вопросе, императрица Хейди Великая? – иронично изумился Власов.

– Напрасно иронизируете, генерал генералов. Если бы нам удалось прийти к власти, Россия очень скоро смогла бы убедиться, что на троне ее действительно появилась Хейди Великая. И за такую правительницу русским краснеть не пришлось бы. Во всяком случае, не так, как

им приходится краснеть за проделки распутной самодурши и сексуальной извращенки Екатерины II.

Власов растерянно помолчал. Он уловил, что в данном случае эсэс-вдова не шутит, и это по-настоящему озадачило его. Он давно догадывался, что Хейди стремится к тому, чтобы ее избранник не только возглавил освободительное движение, но и стал правителем России. Однако до сих пор генералу казалось, что это ее стремление объясняется лишь естественным желанием невесты видеть своего мужа уверенным в себе и успешным.

Ему и в голову не приходило, насколько глубоко эта эсэс-вдова прониклась и стремлением стать правительницей России, и величием своей будущей миссии.

– Я уже обратил внимание, что еще недавно ты в основном увлекалась житием древнеримских императоров и полководцев, однако в последнее время у тебя появилась целая библиотека книг о России, ее истории, войнах и правителях.

– Белоэмигранты стараются. Кое-кто из них уже видит себя при дворе то ли императора, то ли президента Власова. Я же стараюсь их не разочаровывать.

– Даже белогвардейцы уже потянулись к тебе, в стремени, да на рыс-сях?

– К нам, генерал генералов, к нам с вами.

– Именно так я и хотел выразиться.

– Пока что вы опираетесь только на пролетарские низы военнопленных, а следовало бы искать поддержки и в Белом движении. Некоторые его представители уже пытаются сблизиться с вами, используя меня в виде посредника. Так что вам уже пора предпринимать встречные шаги, мой генерал генералов.

– Некоторые из них я уже предпринял.

– Но при этом пытались сразу же склонить на свою сторону белогвардейских и монархических вождей, чтобы вместе с ними склонить на свою сторону все их движение. В этом ваша ошибка, мой генерал генералов. Сначала нужно наберечь из их среды своих сторонников, а уж затем, с их помощью, уламывать вождей.

– Вы уже и над этим успели поразмыслить, моя Хейди Великая?! – не смог скрыть своего удивления командарм. – Почему я узнаю об этом только сейчас и почему в постели?

Хейди окончательно выбралась из-под тела мужчины и уселась в постели, свесив ноги на пол. В ту же минуту комната начала наполняться гулом множества авиационных моторов, предупреждавшего обитателей санатория, что приближается волна англо-американских ночных бомбардировщиков. Нетрудно было определить, что и на сей раз они проходят стороной. К счастью, на картах пилотов этот горный санаторий пока что не значился в качестве объекта для бомбардировок, и это его спасало.

– Что же касается моего личного увлечения Россией, – вновь заговорила Хейди, как только стало окончательно ясно, что обе волны бомбардировщиков, прошли севернее санатория, – то должна же я представлять себе, на что, в какую страну, какой народ, в какую историю вхожу, чем рискую и на что могу рассчитывать. Разве я не права, мой генерал генералов?

– О, что вы, что вы, Хейди Великая, вы, как всегда, правы! – оторопело уставился на нее Андрей.

– Не паясничайте, мой генерал генералов. Вам это уже не пристало. Возможно, вам это покажется странным, однако я всерьез подумываю над тем, чтобы нанять кого-то из уцелевших в Мюнхене английских аристократов и благодаря ему пройти «курс подготовки леди и джентльмена». Можно, конечно, прибегнуть и к помощи иезуитов, но тогда придется смириться с их религиозными отклонениями от сути подготовки.

Хейди все еще сидела рядом с ним, и видно было, что теперь она уже не торопится идти в душ. В такой позе положив одну руку ему на грудь, вторую – на низ живота, она была похожа на защищавшую свою добычу тигрицу, готовую в любое время, если не зарычать, то уж, во всяком случае, оскалиться.

– Ты поражаешь меня своей предусмотрительностью.

– Путь к трону будет нелегким, поэтому готовлюсь быть твоим помощником, секретарем, распорядителем двора и, само собой разумеется, личным врачом. Ты не должен отвлекаться по мелочам, а заниматься исключительно армией и высокой политикой.

– Ты действительно веришь, что мое восхождение возможно?

– Вы – разве нет, мой генерал генералов?

– В общем-то... – замялся Власов – в сорок втором в это верилось больше. Слишком много времени упущено.

– Но мы должны верить в это, господин Власов. Иначе кто же будет верить тогда в нас с вами?

– В таком случае, ты – единственный человек в Германии и во всей Европе, который действительно рассчитывает, что когда-нибудь генерал Власов вернется в Москву, но уже как ее правитель.

– С Европой мы с вами еще объяснимся, Андре, – теперь уже решительно оставила их внебрачное ложе Биленберг. – Понятно, что каждый новый правитель должен совращать Европу, как нетронутую девку. Но уж кто-кто, а вы на это способны, мой генерал генералов, я в этом уверена.

– Кто же сумел убедить вас? – Власов по-прежнему обращался к ней то на «ты», то на «вы» в зависимости от тона, в котором происходила беседа.

– Вы, мой генерал генералов. Кто же еще?

Власов грустно улыбнулся и, откинувшись на подушку, вновь потянулся за сигарой.

– Странно, что мне это удалось, в стремени, да на рыс-сях.

– Но разве убедили вы только меня? А германское командование?

Вместо ответа Власов отрешенно покачал головой: «Будто она не знает, что до сих ни один из высокопоставленных чиновников рейха, не говоря уже о фюрере, не принимал меня?! Что ни один приказ германского командования до сих пор не позволяет создать мне – в казармах, а не в листовках – эту самую Русскую освободительную армию».

Нет, разрозненные части и подразделения уже, конечно, существуют. Мало того, они разбросаны по всей Европе, от Польши до Атлантического побережья Франции, и от Прибалтики до Северной Италии. Но это еще не армия. И тем более – не русская освободительная. Хотя солдаты некоторых русских частей уже носят нашивки «РОА», однако по-прежнему полностью подчиняются командованию вермахта.

– И все же вы, Хейди Великая, – пока что единственный человек в Европе и во всем мире, кто искренне уверовал в могущество и непобедимость моей несуществующей армии.

19

Появление Отто Скорцени министр иностранных дел Риббентроп, заместитель фюрера по партии Мартин Борман, фельдмаршал Кейтель и генерал Йодль восприняли с таким удивлением, словно штурмбаннфюрер СС явился сюда, в «ситуационный блок», как называли эту часть «Вольфшанце», чтобы провести совещание вместо фюрера.

Особенно откровенное непонимание демонстрировал фон Риббентроп. Он даже откинулся в кресле, следя, как штурмбаннфюрер Скорцени еще от порога поприветствовал всех присутствующих, подошел к столу и спокойно, не чувствуя никакой скованности, оперся руками о спинку стула, вопрошающе глядя на Гиммлера. При этом рейхсфюрер оставался единственным, на кого появление здесь столь низкого чина, как майор войск СС, не произвело никакого впечатления. А еще Гиммлер был единственным, кто при появлении обер-диверсанта чуть было не встал, во всяком случае, он машинально приподнялся. И это тоже не скрылось от глаз министра.

Нет, Риббентроп, конечно, понимал, что в вопросе о судьбе Хорти, его правительства, а значит, и самой Венгрии, им никак не обойтись без «особых услуг» Скорцени. Как не обошлись в свое время без них в Австрии, Италии и, наконец, здесь, в Берлине, во время заговора генералов. Всем давно ясно: там, где бессильны политики, где бессмысленны операции дивизий и целых армий, положение способны спасти только Скорцени с группой своих командос, только люди из «Черного легиона» его «бессмертных»; из никакими указами фюрера и приказами Гиммлера не оформленного «Легиона Скорцени».

Но дело в том, что Риббентроп прекрасно осознавал: для того чтобы подчиненные Скорцени, его «коршуны Фриденшталя», начали действовать, достаточно, чтобы обер-диверсант всего лишь выполнил приказ фюрера, переданный ему Шелленбергом, Кальтенбруннером или, наконец, Гиммлером.

«Вот только ни Кальтенбруннера, ни Шелленберга на совещаниях в „Вольфшанце“ в последнее время почему-то не видно, их сюда попросту не приглашают, – вскипал в своем яростном бессилии Риббентроп, уже хорошо познавший, что такое быть отлученным нелюбовью фюрера от его ставки. – Зато Скорцени восседает здесь наряду с фельдмаршалом Кейтелем, генералом Йодлем и рейхсфюрером Гиммлером. С чего бы это?!»

Риббентроп вообще в принципе не понимал смысла столь странного приближения какого-то там, пусть даже весьма удачливого, диверсанта к фюреру. И не хотел понимать его. Если уж фюрер действительно желает чаще видеть у себя в ставке этого громилу с лицом уголовника, он должен сначала позаботиться о его служебном возвышении. Нормы приличия следует соблюдать всем, в том числе и фюреру.

– Если позволите, господин фельдмаршал, – неожиданно прервал неловкое молчание Йодль, обращаясь к Кейтелю, – то могу напомнить, что я уже не раз заявлял фюреру, что не доверяю регенту Хорти.

– Не вы один заявляли нечто подобное, – мрачно проворчал начальник штаба Верховного главнокомандования вермахта, по существу отмахиваясь от него.

Кейтель ждал появления фюрера, к которому у него накопилось множество вопросов, и теперь старался максимально сосредоточиться. Он очень опасался, что фюрер вновь попытается свести совещание к какому-то одному вопросу, в данном случае к одной диверсионной операции. В то время, когда настало время обсудить саму стратегию выживания рейха, и, в частности, положение дел в вермахте, ситуацию на фронтах, отношение к продажным союзникам Германии и к бывшим западным союзникам, преданным самой Германией...

– Это даже не Муссолини, – не унимался тем временем Йодль. – Нет, сидит он в своей будапештской Цитадели вроде бы прочнее, нежели сидел дуче. Но он не готовит страну к

отпору русским, наоборот, стремится как можно скорее добиться у них перемирия. И мысли его всецело заняты только одним: как бы уберечь после войны свое регентство. Только этим и ничем иным.

– Появилось множество людей, – проворчал фельдмаршал, – которые уже сейчас рассматривают войну как неудачно сыгранную шахматную партию. И заботятся лишь о том, как бы не оказаться в могильной яме после всей той гражданской панихиды, которую устроят нам русские вместе с англо-американцами.

«„Гражданской панихиды!“ – резануло слух. – А ведь Кейтель тоже не сомневается, что рейх оказался у последней черты. Даже Кейтель!.. И в такое время, время всеобщего малодушия, я предложил фюреру пожертвовать собой ради Германии, совершив покушение на Сталина. Причем я сам разработал его план: на конференции, из пистолетика, замаскированного под авторучку, – одного из тех, которые научились изготавливать в секретных мастерских по заданию Шелленберга. Однако сам Шелленберг меня не поддержал, опасаясь, что ему придется идти на смерть вместе со мной, а фюрер, хотя и не возражал, однако же, и не оценил. И на этот раз – не оценил!»³⁷

– Но, отрекшись от Хорти, мы останемся без последнего своего союзника. Если Венгрия оголит наш южный фланг... Если только она прибегнет к этому, – буквально задыхался от переполнявших его чувств генерал Йодль, и худощавое, серовато-желтое лицо его, со слегка обвисшими щеками, покрылось едва заметной испариной... – то сделает для большевиков то, чего не смог бы сделать ни один русский маршал.

– Вот почему всех этих князьков следует погребать еще до панихиды, – продолжил свою мрачную мысль начальник штаба верховного главнокомандования вермахта, пытаясь повыше держать отяжелевший дряхлеющий подбородок. – Погребать и очищаться от них, как от скверны.

– Давно пора, – подал голос доселе отрешенно молчавший Борман. – Да только слишком уж мы затягиваем с этим очищением.

И лишь после его слов присутствующие вновь обратили свои взоры на непринужденно и безучастно восседавшего в конце стола Скорцени. Теперь его появление здесь уже никому не казалось таким странным, как показалось в первые минуты его появления в «ситуационном зале». Они, конечно же, ждали его реакции, но Скорцени лишь холодно, невозмутимо прошелся по «высокому собранию» своим леденящим душу взглядом профессионального убийцы.

– Я тоже считаю, – поддержал его Йодль, – что на место венгерского Хорти, словацкого Тиссо и им подобным должны быть поставлены другие люди. Совершенно иные... люди.

– Как вы считаете, Скорцени? – не выдержал в конце концов Кейтель.

– Предоставим это решать фюреру, – камнедробильно пророкотал обер-диверсант рейха. – Если последует приказ, мои парни убьют любого правителя, который попытается предать фюрера и на которого укажет фюрер. – Он выдержал многозначительную паузу и столь же многозначительно уточнил: – Но только фюрер, и никто иной!

Кейтель и Йодль умолкли, и это позволило министру иностранных дел фон Риббентропу вновь сосредоточиться на размышлениях о странном приближении к ставке фюрера этого разукрашенного шрамами верзилы без роду-племени. Возможно, кто-то из присутствующих действительно опасался предательства по отношению к фюреру Хорти или Тиссо. Но лично его, фон Риббентропа, больше волновало сейчас предательство самого фюрера по отношению к нему.

³⁷ Исторический факт. Риббентроп действительно носился с идеей организовать международную конференцию в верхах, заманить на нее Сталина и застрелить его из пистолета-авторучки. Кроме Гитлера, он обсуждал эту идею с Гиммлером и Борманом, а Шелленбергу предлагал стать соучастником покушения. Однако никаких реальных действий, направленных на осуществление этого прожекта, Риббентропом предпринято не было.

Да, в последнее время Гитлер предавал его. И делал это грубо, демонстративно. Министр иностранных дел есть министр иностранных дел. Даже в смутные времена войны именно он должен определять внешнюю политику империи. Его, а не чинов гестапо, СД, абвера или каких-то там «личных представителей фюрера» с непонятно какими полномочиями должны чтить и побаиваться премьеры союзных государств.

Слишком частое появление Скорцени в ставке фюрера вызывало у Риббентропа даже не зависть к штурмбаннфюреру. Это чувство нельзя было назвать завистью. Скорее – внутренним, душевным гневом. Молчаливым протестом. Почему преимущество отдавалось выскочке? Почему благосклонность к Скорцени сопровождалась забвением заслуг видных государственных деятелей? Демонстративным отдалением их фюрером от «Вольфшанце», от себя.

Да, фон Риббентропу были известны аргументы недоброжелателей. Основной из них – к услугам Скорцени и других диверсантов прибегали уже тогда, когда ситуация выходила из-под контроля министерства иностранных дел. Но ведь никто в рейхе, кроме аппарата министерства, и не заботился сейчас, чтобы контроль этот хоть сколько-нибудь усиливался. И вообще, когда в его присутствии в очередной раз возносили Скорцени, фон Риббентроп чувствовал себя человеком, которого пинком сошвырнули со спасительной иерархической лестницы.

«Политика рейха должна определяться министрами, а не штурмбаннфюрерами! – последняя, мстительная мысль, посетившая фон Риббентропа в минуты, когда в просторный зал „ситуационного блока” вошел Гитлер. – Только министрами, а не какими-то там штурмбанн-фюрерами! – сделал он ударение на той части слова, в которой слышалось „штурм”».

* * *

– Всем вам хорошо известно, – угрюмо произнес фюрер, усевшись в кресло во главе стола, – что регент венгерского престола Миклош Хорти не может больше вызывать у нас абсолютно никакого доверия.

Уже после того как приглашенные тоже уселись, Гитлер еще несколько мгновений стоял у своего кресла, и Скорцени обратил внимание на то, как сильно, как удручающе страшно он постарел. Серое лицо фюрера напоминало ему сейчас обличье только что старательно выбритого мертвеца.

А еще Скорцени заметил, что, прежде чем опуститься в кресло, Гитлер придержал правой рукой сильно дрожащую левую (точно так же, как это делал Власов на приеме у Гиммлера) и, как показалось Скорцени, бережно уложил ее на стол перед собой.

«А ведь он уже не в состоянии руководить рейхом! – поймал себя на страшной мысли Скорцени. – Нынешним, обескровленно воюющим, терпящим поражение рейхом эта телесная развалина руководить уже не в состоянии!»

Эта мысль показалась Скорцени настолько насущной и в то же время настолько чудовищной, что, испугавшись ее материализации, он нервно осмотрелся: не сумел ли кто-либо из присутствующих прочесть ее? А главное, не решится ли кто-либо прибегнуть к ее реализации?

«...Гитлера немедленно следует на какое-то время заменить, – уже менее агрессивно и настойчиво разворачивал он эту мысль. – Ему следует дать хоть какую-то, хоть короткую, передышку. Но кем заменить? И не с этой ли мыслью решались на путч полковник фон Штауфенберг и генерал-полковник фон Бек? Не с ней ли созревала в штабных генеральских головах вся их безумная „Валькирия”, погубившая цвет германского генералитета?»

– ...Поэтому настало время, – словно из-за стен тюрьмы Плетцензее, в которой ожидали казни сотни обреченных участников заговора, долетали до Скорцени слова фюрера, – предпринять самые решительные шаги в отношении Хорти и всей верхушки этой страны. Немедленно и самые решительные.

Фюрер прокашлялся и взглядом поискал Скорцени. Выражение лица у вождя рейха было таким, словно он прямо сейчас хотел поднять их, как в атаку, и повести на Будапешт. Вот почему такой обескураживающей показалась его реакция на появление перед ним обер-диверсанта рейха.

– Вы здесь, Скорцени, – с явным облегчением вздохнул он. – Это вселяет уверенность.

Услышав это, Риббентроп первым подобострастно взглянул на верзилу со шрамами, само присутствие которого еще несколько минут назад казалось ему кошунственным. Он с таким умилением задержал сейчас взгляд на Скорцени, что на какую-то минутку сумел вырваться из пут своей вечной ревности, которая начинала бурлить в нем при проявлении фюрером какой бы то ни было благосклонности к кому-либо из присутствующих, кроме него самого, Риббентропа. Он трепетал при каждом сколько-нибудь заинтересованном взгляде фюрера, брошенном в его сторону; он жаждал любви своего кумира, как жаждет ее однажды изнасилованная гимназистка от своего не преданного суду насильника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.